

Анна и Сергей Литвиновы За минуту до Нового года (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=248902
За минуту до Нового года: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38961-2*

Аннотация

В предвкушении Нового года все мы живем, ожидая чуда! Украшаем дом, выбираем наряды, придумываем оригинальное меню... Но какой же праздник без подарков? Представляем вам сборник новогодних остросюжетных рассказов Анны и Сергея Литвиновых, который станет отличным презентом для вас и ваших друзей и близких! Искрящийся снег и волнующее настроение праздничных дней придают увлекательным сюжетам особенную пикантность и очарование!

Содержание

За минуту до Нового года	4
Ремейк Нового года	16
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна и Сергей Литвиновы

За минуту до Нового года (сборник)

За минуту до Нового года

Новый год для меня теперь пуст.

И новогодней елки я больше никогда не увижу. Могу лишь вспоминать их – все, что были в моей жизни. Скромнягу с елочного базара, искрящиеся серебром кремлевские державные деревья, крошечную, не больше сигаретной пачки, искусственную елочку... Она была у меня давно, еще в школе. Уже в начале декабря я вытаскивала ее с антресолей и ставила на письменный стол. То и дело отрывалась от уроков, поглядывала на деревце и улыбалась. Тому, что приближается Новый год, а значит, и каникулы.

Но теперь мне остались одни воспоминания. И запахи. Аромат хвои наполнит легкие, елочные иголки защекочат руку... Я могу на ощупь определить размер елки и форму. И даже сказать, что в этом году она удалась на славу – стройная, свеженькая, почти под потолок. Но все это – словно салат без заправки, яхта без парусов, машина без двигателя. Потому что я никогда не увижу, какими цветами мерцает елочная гирлянда. И как в ее свете хвоя кажется то насыщенно-зеленой, то седой, будто борода Деда Мороза...

Я всеми силами стараюсь смириться и не роптать. Все равно ведь ничего не поделаешь. Но до чего же обидно не участвовать в новогодней суете, а лишь слышать о ней. И *не видеть* – не только елки, но и нового платья, и даже собственного лица в зеркале...

* * *

Загадай она любое другое желание – и Павел бы костями лег, чтобы его исполнить. О чем обычно грезят двадцатилетние девушки? Новое платье, колечко с бриллиантом, заграничное путешествие?

Но Ангелине все это было не нужно.

Ангелинка, его мечта, его радость – и его боль...

Павлик влюбился в нее, кажется, еще в первом классе. Что за девчонка! Светленькая, зеленоглазая, стройная. Да еще и умница настоящая. Училась, правда, обычно – зато как рисовала! Пара минут, два-три штриха – и портрет готов. Сходство изумительное. К тому же всегда старалась, чтобы своим рисунком не обидеть. У нее даже противная химичка получалась симпатичной. Несмотря на свой нос крючком и огромную бородавку.

Геля вообще была доброй. Павел в их классе почти изгоем считался – очкарик, тихоня, драться не умел и жил в коммуналке. Но Гелечка всегда ему и улыбнется, и волосы в шутку взъерошит, и провожать себя позволяла, хотя над ней и посмеивались: зачем, мол, водишься с каким-то слизнем?

И Павлик так и не понял – она привечала его потому, что знала? Знала всегда, что годом раньше, годом позже, но неизбежно ослепнет? И просто готовила его как запасной для себя аэродром?

Или все-таки он ей нравился? Хотя бы немного, пусть как друг?..

Но в любом случае: не потеряй Ангелина зрение, их пути разошлись бы навсегда. Она упорхнула бы в яркую, насыщенную жизнь, наполненную вернисажами, перформансами и прочими светскими мероприятиями. А он только бы следил за ее успехами. Издалека, как и положено скромному труженику офиса, безнадежно влюбленному в звезду.

Но только стать звездой Ангелине не удалось.

* * *

И опять пробили куранты. И дом, одновременно с гимном, взорвался криками «ура», во дворе загрохали петарды. А я все повторяла и повторяла, про себя, конечно, свое единственное желание. Растворилась в нем... И даже вздрогнула, когда почувствовала на руке тепло Павлушкиной ладони. Боже мой, опять Павлик. Человек, которого я когда-то терпела из одной жалости. И кто теперь оказался моим единственным собеседником.

– С Новым годом, Паш, – с трудом оторвалась я от своих мыслей.

Получилось сухо, но Павлушка давно уже привык, что с ним я не церемонюсь. Не играю в героиню. Не притворяюсь ни счастливой, ни сильной. Чему мне радоваться? Это у других сегодня праздник, а у меня очередной беспросветный, темный день. День – как ночь.

– Ты опять... загадала это? – тихо спросил Павлуха. – Чтобы поправиться?..

– Нет, – усмехнулась я. – Я хочу кольцо из бриллиантов.

И кожей, всем телом почувствовала его неуверенную улыбку. И услышала недоуменное:

– Правда?..

Никогда он меня не поймет.

– Господи, нет, конечно, – вздохнула я. – За каким дьяволом мне бриллианты, если я все равно их не увижу?

Сейчас Пашка, конечно, станет меня утешать. Говорить все эти пустые слова: что жизнь пока не кончена. И я могу наслаждаться многим: обществом друзей, хорошей музыкой, вкусной едой...

Но Павлик (неужели он тоже загадал желание – стать мудрей?) неожиданно произнес:

– Послушай, Геля... Ты знаешь, кто такой Петр Мухин?

– Понятия не имею, – буркнула я.

– Да ты что? – возмутился Паша. – Это ж известный олигарх! Половину московских заправок под контролем держит! Да еще и не женат – за ним все московские красотки охотятся! И даже Наоми Кемпбелл. И эта, как ее... Кина Танделаки... Ну, ты и темная...

– Темная – это да, – вздохнула я.

И опять прямо физически почувствовала, как несчастный парень покраснел. И зачем, интересно, я его мучаю?.. Ну, слово выбрал неудачное – а по сути-то Пашка прав. Я действительно темная. Не только в плане зрения – во всех смыслах. Хотя времени и полно, телевизор я почти не включаю, радио не слушаю. Ну, неинтересна мне светская хроника! Сама я бы за олигархом поохотилась, а собирать чужие сплетни не хочу.

– Ладно, Павлуша, не страдай, – миролюбиво произнесла я. – Так к чему ты про Мухина речь завел?

– Я... я, понимаешь, не хотел тебе говорить, пока все точно не решится... но сегодня ведь Новый год. А ты расстроенная совсем...

– Ну?

– Короче, еще в декабре я прочитал, что у Мухина, помимо прочих фирм, есть свой фонд благотворительный. Серьезный такой: с офисом, куча людей в штате. Оплачивают операции, в том числе и за границей. Рассматривают все обращения. И помогают, заметь, не только детям.

Мое предвкушающее настроение испарилось бесследно.

– Ох, Павлик, опять двадцать пять, – пробормотала я. – Я тебе тысячу раз уже говорила: эти благотворители – они только за верные случаи берутся. Если какая-нибудь тетя Клава без операции стопроцентно умрет. А мне-то с какого перепуга помогать? У меня ж не рак. А жизни слепота никак не угрожает.

– Не тарихти, – перебил меня Паша.

– Чего-чего?

– Встречался я уже с Мухиным. С самим лично.

– Ты?!

– А что, ничего сложного. Он всех принимает, если по записи и документы на руках. А я ж ксерокопии с твоих справок давно снимал... И фотографию твою ему показал.

Паша сделал паузу. Ох, можно и не видеть, но чувствовать, как мальчик сейчас просто лопается от гордости.

– И что... сказал Мухин? – Мой голос, кажется, дрогнул.

– Что ты очень красивая, – тихо произнес Паша. – И что ему тебя искренне жаль. И он обязательно постарается помочь... При первой возможности.

– Благодарим за обращение в наш фонд, однако в настоящий момент ваша просьба не может быть удовлетворена, – горько произнесла я.

– И еще Мухин просил, – спокойно продолжал Павлик, – чтоб ему этот твой немецкий профессор написал. Ну, про перспективы, как проходит операция и сколько она стоит...

– А, считай, он тебя послал, – отмахнулась я.

Фонды – они помогают только тем, кому помочь можно. А мой диагноз – пигментный ретинит – считается приговором. Возьми любой справочник, спроси даже самого продвинутого профессора и получишь ответ: ретинит – *неизлечимое наследственное заболевание, в настоящее время ни терапевтическим, ни хирургическим методам лечения не поддается.*

Встречаются, конечно, и шарлатаны – всех уровней и мастей, – кто самонадеянно берется исцелить. И я к некоторым из таких ходила, а верный Павлик безропотно оплачивал консультации. Но только даже мне, с моим не самым огромным жизненным опытом, хватило ума, чтоб понять: не исправишь органическое поражение зрения никакой лекарственной травой. И уж тем более не помогут магические заклинания.

И только единственному человеку – профессору Штайну из Мюнхенской экспериментальной клиники – я поверила. Хотя тот, в отличие от магов с целителями, громких обещаний не давал. В первом же письме (мне читал его Павлик) написал, что на собственные глаза я рассчитывать уже не могу. Никак. Единственное, что возможно – имплантировать ретинальный протез. Микрочип, воспринимающий свет и передающий информацию нервным волокнам. Однако метод этот – абсолютно неопробованный, клинические испытания только в самом начале. И еще крайне дорогостоящий. Под миллион евро...

И я долго надеялась, что мне удастся раздобыть этот злосчастный миллион. Однако редкие из оставшихся друзей только сочувственно повздыхали, но никто и рублем не помог (да и откуда у моих ровесников деньги?). На мое письмо в Минздрав даже ответа не пришло. Да и от бесчисленных фондов толку оказалось мало. С порога, конечно, не посылали, притворялись, что сочувствуют, только ни один из них ничего путного не предложил. Даже на обследование поехать. Они ведь, хоть и благотворители, а деньги считают четко. Куда проще (и эффективнее в плане пиара) спасти за сто тысяч евро жизнь умирающему ребенку, чем возвращать за сумасшедшие деньги зрение мне. Как сказала очередная чиновница: «В России – слепых сотни тысяч. И никто не жалуется».

И этот олигарх – он тоже, конечно, ничего не сделает.

...А Павлик все что-то говорит и говорит.

– Так я напишу этому твоему профессору? Попрошу его связаться с Мухиным?

– Ох, Паш, да делай ты, что хочешь, – вздохнула я.

Приятно, когда тебе пытаются помочь – пусть и такие никчемные люди, как Пашка. Только ничего у него не получится. Зря я надеялась, что желание, загаданное под бой курантов, исполнится.

* * *

Новогодние каникулы прошли скучно – как, впрочем, и вся моя теперешняя жизнь. Сплошная череда пустых дней, когда просыпаешься, завтракаешь, а уже к полудню начинаешь ждать вечера. Того момента, когда тебя, наконец, сморит спасительный сон... Может быть, кто-то из моих братьев по несчастью и умеет заполнять свое незрячее время, но лично я совершенно потерялась. Ведь все, что я когда-то любила – рисовать, готовить, рассматривать модные фасоны в журналах и магазинах, кататься на лыжах, строить мужчинам глазки, наконец, – теперь оказалось недоступно... Только и остается, что часами валяться в кровати, слушать музыку и, когда настроение становится совсем уж паршивым, рисовать. По памяти. Карандашом. Я не знала, что у меня получается – но рисовала все равно.

А в первый рабочий день (для меня столь же пустой, как и каникулы) случилось неожиданное. Ровно в девять утра загремел телефон. Голос в трубке был женским. Незнакомым и очень деловым:

– Ангелина Аркадьевна? Вас беспокоят из Фонда Мухина. Скажите, у вас есть загранпаспорт?

– Д-да... – растерянно пробормотала я.

– Отлично, – равнодушным голосом откликнулась женщина. – Тогда мы вас оформляем на ближайшую возможную дату. Приготовьте две фотографии три на четыре и сегодня в течение дня ждите курьера – он отвезет документы на визу.

А сразу после позвонил ликующий Пашка:

– Ну, я же говорил тебе, что добыю их?!

И уже через неделю я вылетала в Германию. Не верила в удачу до последнего момента. Даже когда привезли документы и верный Павлик перечел мне их все, до строчки – и приглашение от немецкого профессора, и оплаченную платежку на пребывание в клинике, и гарантийное письмо, что фонд Мухина обязуется оплатить все дополнительные медицинские процедуры, буде они потребуются... И пока чемодан собирала, опять же с Пашкиной помощью, тоже казалось, что все происходящее – розыгрыш. И даже когда такси несло меня в международный аэропорт, я по-прежнему думала: все происходит не со мной...

Павлик меня проводить, к сожалению, не смог, и в бестолковом, переполненном новыми для меня запахами и звуками Шереметьеве я совершенно потерялась. Это только в цивилизованной Европе инвалиду не дают пропасть. А у нас – толкали да шипели, что я под ногами путаюсь. Совершенно идиотская ситуация: что регистрация идет – знаю, и на каких стойках – тоже, а вот как их найти, не имею ни малейшего понятия. Спасибо, какая-то тетка, в которую я своим чемоданом врезалась, пожалела, обняла, заахала: «Да ты что ж, бедненькая, неужели совсем ничего не видишь?» Проводила до рейса на Мюнхен, самолично дотащила мой чемодан, да еще и на самолетных див напустилась: что, мол, свою пассажирку на произвол судьбы бросили? Регистраторша же за стойкой (я не видела – чувствовала) только плечами пожала. Буркнула: «А мы ее пасти не обязаны. У нас для инвалидов льгот нету».

Впрочем, оказалось, что льготы есть – только не для инвалидов, а для пассажиров бизнес-класса (фонд Мухина не поскупился). Как увидели регистраторши мой билет, сразу и проводник нашелся, и в зал какой-то особый меня проводили – ждать, пока не объявят посадку (по контрасту с остальными помещениями аэропорта, пахло здесь сладко – хорошими духами и свежей выпечкой). Я даже, как в старые, счастливые времена, в «дьюти-фри» заглянула и на ощупь нашла на прилавке бутылочку любимого «Бейлиса». Производители ликера дальновидными людьми оказались – позаботились и о нас, незрячих. Оснастили бутылку выпуклым, легко узнаваемым пальцами узором...

А в Германии все совсем хорошо пошло. Представитель клиники меня уже в самолетной «трубе» встретил, стоял рядом с пограничником. В обход всех очередей провел на паспортный контроль, получил мой багаж, помог забраться в совершенно бесшумный, плавного хода, лимузин... И в клинике меня принимали, будто в дорогом отеле – только приветственного коктейля не хватало (впрочем, вместо него поднесли травяной чай).

Диагностика тоже, не сравнить с российскими больницами, прошла быстро и безболезненно. У нас-то – каждое утро обход и, дай бог, по одному исследованию в день проводят, а начиная с обеда, лежи, бездельничай. Тут же у меня все время, с утра и до ночи, расписано было. Словно в прежние наполненные событиями времена, когда я из школы обычной мчалась в художественную и вечно торопилась... И организовано у буржуев все четко: таблички на кабинетах – на уровне плеча и шрифтом Брайля, а чуть-чуть растеряешься – тут же подскочат, доведут, подскажут.

Даже жаль стало, когда на третий день сообщили: ваш *profile* готов, завтра в восемь – консультация профессора. Того самого знаменитого Штайна, кто один во всем мире осмелился бросить вызов моей неизлечимой болезни.

Профессор оказался не по-немецки медлительным и каким-то совсем не европейским. От него даже пахло, словно в нашенском осеннем лесу: грибами и прелью. И вопросы он задавал вовсе не те, которых я ждала. Ни слова про мою болезнь – вдруг стал выпытывать, есть ли родители, в какой я живу квартире, да нет ли у меня родственников в Германии, хотя бы дальних. Я удивлялась, но отвечала. Что мамы не стало в прошлом году, а папы – и вовсе никогда не было. Что квартирка, по московским меркам, несерьезная, максимум тысяч за сто евро можно продать, и никаких немецких корней у нашей семьи, конечно же, не имеется...

Маститый доктор, я чувствовала, с каждым моим новым откровением все больше и больше мрачнел. А потом вдруг неожиданно и хлестко бросил:

– Скажите, фрейлейн Ангелина, кто будет оплачивать ваше лечение?

– Ну... – смешалась я. – Фонд Мухина, наверно...

– Речь идет о сумме в миллион евро, – жестко сказал врач. – Вы уверены, что они согласятся?

– Не знаю, – вздохнула я. – Но обследование они ведь оплатили...

– Это двадцать тысяч евро. Не сравнивайте. – По легкому колыханию воздуха я почувствовала, что профессор дернул плечом. Или сердито покрутил головой (я со своим относительно недолгим стажем незрячести еще не научилась разбирать такие тонкости).

А потом его голос вдруг потеплел. И зазвучала теперь в нем вовсе не немецкая страсть к подсчету денег, но какая-то очень русская, беспросветная тоска:

– Я был бы счастлив помочь вам, Ангелина. И обещаю употребить все свои силы и навыки, чтобы вас исцелить. Только вот с оплатой... Ох, если бы у вас в роду нашлась троюродная, какая угодно, немецкая бабка! Мы могли бы попробовать получить от нашего правительства хотя бы частичное финансовое покрытие...

– Нет у меня никакой бабки, – угрюмо буркнула я. И совсем уж бестактно добавила: – Только прадед мой... с вами на Курской дуге воевал.

– Ладно, Ангелина, – устало вздохнул профессор. – Я напишу свое заключение. Что вам – с определенной долей вероятности – можно помочь. Будем надеяться, этот ваш фонд вас не оставит. – И совсем тихо добавил: – По крайней мере, я буду молиться за это.

– А я, – вырвалось у меня, – когда поправлюсь, обязательно попробую вас нарисовать. Мне почему-то кажется: у вас очень необычное лицо... Такое... многоликое. Иногда доброе, совсем домашнее. А в операционной – конечно, совсем другое. Жесткое, даже злое. И глаза у вас синие. Я угадала?

– Нет, – усмехнулся он.

– Значит, вы просто обязаны меня вылечить, – парировала я. – Чтоб я могла не гадать, а увидеть своими глазами.

В конце концов, Мухин, как заверяет вездесущий «Форбс», давно миллиардер. И, коли уж он взялся мне помогать, неужели я не вымолю у него этого несчастного миллиона?..

* * *

Можно было просто ждать и надеяться на фонд, на профессора Штайна, на верного Павлика. Но я выбрала иной путь. Не пассивный, но деятельный. Решила не полагаться на чью-то милость, а бороться за свое счастье сама. Я всегда поступала так раньше, до своей злосчастной болезни.

Добиться аудиенции у Мухина действительно оказалось мне по силам – и уже через две недели после возвращения из Германии я, ужасно волнуясь, отправилась на встречу с великим человеком. Выглядела я... не знаю как. Наверно, неплохо. По крайней мере, Пашка меня всегда в этом уверял: «Ты чуть поправилась, но тебе это даже к лицу. И вид отдохнувший, потому что, наконец, высыпaeшь». Ну а оделась я в любимый костюм, который когда-то выбирала еще сама, своими глазами. И на каблуки влезла, будем надеяться, на пути к монаршему офису мне не встретится какой-нибудь предательской выбоины в асфальте.

Секретарша даже спросила недоверчиво:

– Это вы, что ли, слепая?..

– Да. Вы очень любезны, – как можно небрежнее откликнулась я (хотя сердце заколотилось от обиды).

– У вас десять минут, – не смутилась нахалка. – Голос не повышать, не рыдать, к Петру Михайловичу ближе чем на два метра не приближаться.

– Спасибо. Вы просто прирожденный... сотрудник благотворительного фонда, – снова уколола я.

Неужели и Мухин окажет мне столь же холодный прием?!

Однако тот был и приятен, и мил. Сочувственно выслушал мою проникновенную речь, долго расспрашивал про немецкую клинику, про Штайна и про его методы лечения. А на прощание совершенно определенно сказал:

– Если вам действительно можно помочь, Ангелина, я это сделаю. Обещаю.

И в этот момент вечный, окружающий меня мрак на секунду рассеялся. И мне показалось, что я вижу – не самого Мухина, конечно, но пятно света в том месте, откуда доносился его голос... Это был явно знак свыше: все у меня получится. И я очень скоро смогу увидеть и олигарха, и весь мир.

Я вылетела из начальственного кабинета, словно на крыльях. Вернулась домой и стала ждать. Сколько времени, интересно, займет неизбежная офисная возня, согласования, перевод денег?.. Я надеялась, что за неделю все будет готово, хотя Пашка, куда более включенный в современную жизнь, уверял, что подобного рода бумаги оформляются минимум месяц.

– Ты, главное, не звони им. Не надоедай, – инструктировал меня он. И цитировал классика: – Сами предложат, и сами все дадут.

И я терпеливо ждала, хотя с каждым днем это становилось все труднее и труднее. Тем более, что и профессор Штайн волновался. Звонил, спрашивал, удалось ли мне раздобыть денег. «Все будет», – заверяла я. Однако от Мухина так и не поступало никаких вестей. А когда я, не выдержав, набрала номер фонда сама, там еще и удивились: «Ангелина? Какая Ангелина?..» А потом долго шуршали бумажками и равнодушно ответили, что мой вопрос «находится в стадии проработки».

И этот непонятный и совсем не обнадеживающий ответ вверг меня в состояние глубочайшей депрессии. Я и раньше-то не жила – считала часы от ночи и до ночи, единствен-

ного времени суток, когда я могла хоть что-то видеть, пусть всего лишь в своих снах. А сейчас и вовсе впала в какой-то анабиоз. Вызвала участкового врача, наврала ей про бессонницу и выклянчила рецепт на снотворное. Пила перед сном сразу по две таблетки и постоянно существовала в полудреме. А карандашные рисунки, моя оставшаяся со старых времен забава, стали, я чувствовала, совсем иными, чем раньше. Прежде-то я старалась рисовать так, что людям приятно было узнавать себя на портретах, а теперь наоборот – старалась уколоть побольнее. Я не могла изобразить ни профессора Штайна, ни Мухина, ни его противную секретаршу (ведь я не знала, как они выглядят) – зато тех, кого помнила (и особенно Пашку), выставляла в самом нелицеприятном виде. Изображала его то мерзким карликом, то опустившимся алкашом. Потом наброски, конечно, прятала, но зло, что я выплескивала в своих карикатурах, так просто не уходило.

Мы с Павлом стали постоянно ссориться. Я упрекала верного друга, что он дал мне надежду. Заставил поверить, что мне помогут – и обманул. Хотя в минуты просветления я понимала, что бедный Павлик абсолютно ни в чем не виноват... Сделал и делает все, что в его силах. Но, знаете, сложно держать себя в руках, когда целыми днями одна, в темноте. И свет с каждым днем от тебя все дальше и дальше... Тем более что и профессор Штайн в нашем последнем разговоре сказал, что время работает против нас. И чем дольше я буду в темноте, тем меньше шансов, что зрение удастся восстановить.

И однажды, в один особенно тяжкий для меня вечер, мы с Павлом разругались окончательно. И все из-за того, что он, покорно выслушав мои ежедневные претензии, вдруг не стал меня утешать, но требовательным поцелуем впился в мои губы...

Это меня просто взбесило. Хотя с чего бы? Ежу понятно, что Павлуха возится со мной отнюдь не из жалости. Он всегда был в меня влюблен и, конечно, надеялся, что однажды, особенно в своем нынешнем жалком состоянии, я уступлю его натиску. Вот и решил, бедняга, что сегодня подходящий день для решающей атаки. И просчитался. Я, измученная тщетным ожиданием и одуревшая от снотворного, устроила ему дикий скандал. Наговорила немало гадостей. А в качестве апофеоза – извлекла из ящика стола папку с набросками последних дней и швырнула их ему в лицо. Пусть полюбуется на себя. Мерзкого, ничтожного, но абсолютно узнаваемого, в этом я не сомневалась.

И Пашка, святой человек, мне ни единого слова упрека не сказал. Просто покорно пошел прочь. И только уже на пороге тихо вымолвил:

– Наверно, Геля, мы с тобой больше никогда не увидимся. Но знай: я всегда буду тебя помнить. Всегда.

А я только выкрикнула истерически:

– Да пошел ты!

И захлопнула за ним дверь.

...А через пару дней мне позвонили из клиники профессора Штайна. Сообщили, что деньги, весь требуемый миллион, уже на их счете. И велели прилететь как можно быстрее и обязательно сообщить им номер рейса.

* * *

Я вернулась в Москву осенью, промозглым октябрьским днем.

– Погода в столице... м-мм... нормальная, – сообщил перед посадкой пилот. – Плюс восемь градусов, идет дождь.

Пассажиры горестно заохали. Сосед по креслу выкрикнул:

– Разворачиваемся!

И только я улыбнулась.

Ну и подумаешь: осенняя хлябь. Зато краски под дождем играют особенно ярко. И капельки воды, дрожащие на голых деревьях, серебрятся миллионами искр...

Для меня теперь не было разницы, какая за окном погода. И все остальные, огорчительные для большинства людей вещи тоже не волновали. Ну и подумаешь, что денег в кошельке вряд ли хватит даже на такси, и что работы никакой нет, и что дома меня никто не ждет. Я все равно была самым счастливым человеком в этом самолете. И во всем аэропорту. И в целом мире. Потому что профессор Штайн сдержал свое слово. И я – теперь видела. Видела все, и даже в новых красках. Когда-то считала, например, что опавшая листва грязно-бурая. И только сейчас поняла, насколько она красива: желто-красная, с вкраплениями черного, и будто циркулем очерченной шоколадной каймой. Руки так и чесались поскорее вернуться домой, схватить мольберт, и – в ближайший парк. Рисовать. И пусть меня потом упрекнут, что мои работы совсем не реалистичны, а похожи на яркий лубок.

Жаль было лишь одного – что верный Павлик (которого я в своем новом настроении готова была и целовать, и обхаживать) на мои звонки, еще из Германии, так и не откликнулся. Неужели настолько обиделся, что даже номер мобильного сменил?

Впрочем, найдем. Найдем и Павлика. А главное, конечно, нужно при первой же возможности встретиться с моим спасителем, Петром Мухиным. Благородным, щедрым, мудрым. И броситься ему в ноги. И сказать, что он теперь абсолютно чист перед Господом Богом. Пусть даже не думает переживать, что кого-то – как и все люди, конечно – когда-то предавал и обманывал. Теперь – за одну меня – ему прямая дорога в рай, в самое тепленькое местечко. В этом я, побывавшая за гранью и вернувшаяся оттуда, абсолютно не сомневалась.

И явиться перед Мухиным мне хотелось эффектно. Не просто попросить о встрече в кабинете Фонда, но встретиться будто бы случайно. И ошеломить, переполнить его своим здоровьем и своим счастьем.

Только с олигархами на улице не столкнешься. И домой к ним вот так, запросто, не придешь. И на тусовку, где они бывают, влегкую не проникнешь. А если и проберешься – как пробить заслон из неизбежных очаровательных и хищных спутниц? Я еще, пока в Германии была, про Мухина много прочитала. Действительно: и молод, и хорош собой. И смазливых спутниц-моделек, естественно, меняет чуть не каждый месяц.

Только модели те, пусть и красивые, а всего лишь рабочий материал. Как фруктовые муляжи, которыми нас мучили в художественной школе. Красок много, а души нет. И потому я не сомневалась: меня, тоже красивую, но уже умеющую свое счастье ценить, а главное, преподнести, олигарх обязательно выделит из толпы...

...Я подстерегла его спустя неделю после своего возвращения. Особо не мудрила – выяснила, в каком ресторане Мухин обычно обедает, и явилась туда. Метрдотель скептически оглядел мой скромный, четырехлетней давности, наряд и допустил в роскошную едальню очень неохотно, словно бы сомневаясь. Но я не смутилась. Капризным тоном потребовала:

– Кофе, фруктовый салат и «Die Welt», если есть.

И своим заказом окончательно завоевала право пребывать в святая святых. Меня проводили к уютному, у окна, столику, и я, небрежно поклевывая салат (тридцать евро за порцию, только подумать!), уткнулась в немецкую газету. Делала вид, что читаю, а сама не сводила глаз с Тверского бульвара, где перед ресторанным входом то и дело тормозили лимузины один другого круче.

Мухина доставили, по столичным меркам, стандартно – на «шестисотом» «мерсе» (следом затормозил джип с охраной). Сопровождал его скромненький мужичок – судя по угодливым манерам, отнюдь не равный, а кто-то вроде секретаря. Что ж, очень хорошо, что не дама. Хотя я была настолько уверена в своих чарах, что и с Наоми Кемпбелл была готова сегодня сразиться.

Я дала великому человеку откусать суп (мужчина перед важным разговором должен быть не голоден, но и не слишком сыт) и уверенной походкой приблизилась к его столику. Олигархи – они, конечно, люди пресыщенные, и красивые девушки для них, что опавшая листва, устилающая бульвар. Но неужели же его оставят равнодушным моя юность, фигура, россыпь светлых волос и вновь обретенный, магический взгляд? Неужели он меня не вспомнит, в конце-то концов?.. Ведь мы с ним, пусть почти год назад, но общались. Целых десять, отведенных его расписанием, минут.

И я не ошиблась: едва олигарх меня заметил, в его глазах промелькнуло узнавание. И замечание своего секретарчика («Девушка, мы заняты!») он пресек небрежным взмахом руки. А когда я, широко улыбаясь, произнесла: «Петр Михайлович, вы меня помните? Я – Ангелина», бизнесмен даже слегка покраснел. И неуверенно произнес:

– Подождите... Вы – та самая? Художница, с которой мы встречались в Фонде?

– У вас прекрасная память, – кивнула я.

А дальше все пошло как-то совсем против моих планов. Потому что он скривил губы в скептической усмешке и проговорил:

– Значит, ваша болезнь оказалась не такой уж и неизлечимой?..

– Ну, да... Мне сделали операцию... – пробормотала я. – Собственное зрение восстановить не смогли, но поставили микрочип...

– Я помню, помню. Совершенно невероятная история. Сколько вы хотели на лечение – кажется, миллион?

– Получилось даже чуть больше, – кивнула я, – все документы у меня, кстати, с собой...

– Неплохой размах, – одобрительно хмыкнул бизнесмен. Переглянулся с секретарем и хмуро спросил: – Ну, а сейчас-то что вам надо?

Ох, совсем не так я представляла нашу с ним встречу...

– Да просто хотела сказать спасибо, – пробормотала я.

– Спасибо – за что? – непонимающе уставился он на меня.

И только в этот момент я начала, наконец, догадываться.

– Петр Михайлович, – пробормотала я. – Вы хотите сказать, что *не оплачивали* мое лечение?

– Милая девушка, – устало произнес он. – Я и так на вас достаточно денег потерял. Те, что выделил вам якобы на обследование...

Меня бросило в краску:

– Вы считаете меня мошенницей?

Он усмехнулся:

– И не самой ловкой к тому же. Хоть бы легенду поинтересней придумали, право слово! А то фантастика какая-то, микрочипы... И, главное: именно миллион. Ни больше ни меньше. Даю вам совет на будущее: лучше клянчить, для пушего правдоподобия, не столь круглую сумму...

Что оставалось делать? Оправдываться? Спорить? Доказывать, что я не обманщица?.. Глупо. И я просто отвернулась от олигарха. Швырнула на свой столик две тысячные купюры. И пулей кинулась вон из роскошного ресторана.

* * *

Обстановка Пашкиной коммуналки – особенно по контрасту с помпезным заведением, где я только что побывала, – выглядела особенно жалко. Ключья обоев, свисавшие со стен, серые от табачного дыма потолки, ворох грязного белья на кровати... И Пашкин брат, встретивший меня на пороге, – неужели он даже младше Мухина? А выглядит будто все уже пови-

давший и давно уставший бороться старик. И пахнет от него мерзкой смесью перегара и давно не мытого тела...

И меня он, конечно же, не узнал, хотя когда-то, еще в школьные годы, приходил к нам на школьные «огоньки», и мы даже с ним танцевали. Но ничего напоминать ему я не стала. И даже не поздоровалась – сразу потребовала:

– Где Павел?

– Павел, опять Павел... – тоскливо пробормотал мужик. И хмуро добавил: – Ты – сто сороковая.

– Что?..

– Или сто сорок первая – кто о нем спрашивает, – хмыкнул алкаш. – За последний год. – И рявкнул: – Устал я уже вам всем твердить: не знаю я, где Пашка! И знать о нем не хочу! И к его делам отношения не имею!

– А что вы так – о родном брате-то? – упрекнула я.

– Г...нюк он, а не брат! Так меня подставил!

– Послушай, Миха (из подсознания услужливо выплыло имя нелюбезного Пашкиного родственника), – произнесла я. – Ты разве меня не узнал? Я – Ангелина. Мы с твоим братом в одном классе учились...

– Ты – Гелька? – недоверчиво перебил он. – Но Пашка вроде говорил, что ты слепая?

– Была слепая, а теперь прозрела, – нетерпеливо отмахнулась я. – Говори быстро: что с Павлухой?!

– Чего – правда, не знаешь, что ли? Все ж каналы только об этом и кричали! И целая передача у Малахова была, я на ней тоже присутствовал...

– Я уезжала из страны почти на год, вернулась только сейчас. Ну, что случилось?

– Так братан... он же, это... обменник грабанул. На трех вокзалах, возле универмага, знаешь? Туда все ездили, потому что курс лучший в Москве. Так что он чертову кучу денег взял... – в голосе пьяницы прозвучала откровенная зависть.

Я еле удержалась от нервного смешка.

– Павлушка-то? Грабанул обменник?!

– А все тоже сначала ржали, – вздохнул Михаил. – Думали, что ошибка какая-то. Потом оказалось: действительно, он. Камера его засняла. Ну, тогда решили: возьмут его, в тот же день. А Пашка-то, тихоня тихоней, только всех обманул. И деньги прибрал, и смотаться умудрился. Сидит небось теперь где-нибудь на Кайманах. Коктейли хлещет.

– А много... в этом обменнике денег было? – тихо спросила я.

– Говорят, миллион, – вздохнул Миха. – Целый миллион евро. Представляешь, какие деньжищи?

* * *

Нельзя сказать, что Павел скучал по зиме. По солнечным дням, когда искрится снег, а на лицах девушек полыхает румянец. Иногда бывало, конечно. Но только в России куда чаще сплошная хмарь, и вот ее он до сих пор вспоминал с внутренней дрожью. Разве сравнишь с местным климатом, когда всегда тепло и солнце сияет триста двадцать дней в году?

И по Москве Пашка не ностальгировал, и по своей жалкой квартирке – тоже. И брата вспоминал все реже и реже. А что о нем думать? Наверно, совсем уже Мишка спился... И только про Гелю помнил всегда. И с удивлением понимал, что ему куда дороже не хохо-тушка и покорительница мужских сердец, а совсем другая Ангелина. Та, что перемещалась по квартире на ощупь. И робко сияла своей беспомощной и потерянной улыбкой...

Он слышал, что у нее снова все хорошо. Но хотел ли ее увидеть? Павел не знал. Ведь теперь Гелька снова на коне. И стала еще прекраснее, чем была до болезни. А он – как был

тюфяком, так им и остался. И даже тропический загар к нему не пристаёт – вечно ходит красный...

Жизнь, постоянно на нервах, Павла изрядно измотала. Он ведь совсем не супермен. А что дерзкое ограбление ему удалось – так это повезло просто. Многие факторы совпали. Кассирше и в голову не пришло, что от скромного парня может исходить опасность – бронированную дверь даже не захлопнула. А охранник как раз ужинать отправился (Павел специально выжидал, когда тот уйдет). И денег в обменнике оказалось достаточно – не зря он искал, чтобы тот обязательно находился в проходном месте, и меняли в нем по хорошему курсу, то есть клиентов много, а инкассация, в целях экономии, всего раз в день...

И сбежать из России Павел сумел – благо липовые документы подготовил заранее. И благополучно вывез украденные деньги. Миллион, пятисотенными да сотками, в небольшой сумке уместился. Специально полетел из столицы прямо в Мюнхен, лично сделал взнос (анонимный, конечно) в кассу клиники Штайна.

И даже здесь, на Кубе, он почти легально. Въехал в страну по документам польского студента, учится в универе, подрабатывает в прокате аквалангов. Давно освоил испанский, прижился, даже полюбил местную жизнь – бедную, но чертовски веселую. Народ на Кубе классный – в какой бы еще стране люди получали по карточкам полкило мяса в месяц, но при этом постоянно улыбались?

Но червячок все равно точил. Постоянно. Его ищут. Его могут узнать. И это уже навсегда, до самой смерти.

Что Россию он больше никогда не увидит – это пусть. Но ведь и здесь могут достать. В любой момент. И где угодно. В универе, на пляже, на работе, в его прокатной конторе... Ох, были б у него деньги – он давно бы перебрался с Кубы куда-нибудь еще. Чем чаще меняешь место жительства – тем безопаснее. Но только украденные деньги все ушли на лечение Ангелины. А местной зарплаты едва хватало на еду, что уж говорить о билетах на самолет и новом, в целях безопасности, паспорте...

И еще, несмотря на царящее кругом веселье, Павлу было здесь очень одиноко. Друзей он не завел, горячие кубинские девчонки скрашивать досуг польскому студенту-скромнику как-то не рвались. И ходить, кроме пляжа, было некуда. Не в демонстрациях же участвовать вместе с политически подкованными кубинцами?..

И потому, когда их городок заклеили объявлениями, что в клубе состоится вернисаж российских картин, Павел решил: он обязательно сходит. Хотя бы какая-то иллюзия светской жизни. И шаткий мостик в его прошлое, в котором, что уж говорить, было немало хорошего.

Неосторожно, конечно. Существует крошечный шанс, что картины привезет в их Карденас какой-нибудь русский. И этот русский будет находиться в выставочном зале. И увидит его, и узнает в нем человека, чьи портреты наверняка до сих пор показывают по российскому телевидению с пометкой «особо опасный преступник»...

Однако Павел все равно решил рискнуть.

И еще только входя в зал, сразу заволновался. Потому что толстая кубинка, проверявшая билеты, посмотрела на него очень и очень внимательно. Словно бы узнавая... Но, если он сейчас вдруг повернется и уйдет, это будет выглядеть лишь подозрительней.

И Павел приветливо улыбнулся женщине. Пробормотал «Ola». И вместе с толпой кубинцев прошел в зал. Нет, показалось, конечно. Никто его тут не узнает. А пришел он не зря – сердце сразу забило воспоминаниями и сладкой тоской...

За окном, как и обычно, сияло солнце, неподалеку бархатно шумел океан, а здесь он сразу же в новогоднюю атмосферу окунулся. Зал украшен мишурой, в углу – искусственная елка, увешанная игрушками и ватными клочьями, которые, видимо, имитируют нападавший снег. Ну, да, у них же в России сейчас неизбежные зимние празднования. Выставка тоже соответственно называется: «ЗАСНЕЖЕННОЕ РОЖДЕСТВО».

Паша медленно брел по залу. Останавливался у некоторых картин. Вот – до чего знакомо! – дорожки Измайловского парка. Сколько раз они бродили по ним с уже больной, неуверенно шагающей Гелей... А вот Тверская, вся в сиянье огней, и тротуары (художник явно наврал) присыпаны свежим, чистейшим снежком. А здесь лыжники, весело мчащиеся сквозь лес. Интересно, Ангелина теперь катается на лыжах? Она когда-то любила...

И вдруг Павел замер.

В следующем зальчике с огромной картины смотрел он сам.

То есть не совсем он, конечно. Не он – а каким бы Павел мог стать. Мускулистый. И никаких очков. И лицо загорелое, без единого прыщика. И мудрый взгляд серых глаз... Не мужчина – мечта. Художники, они ведь колдуны. Могут изобразить тебя мерзким троллем, а могут – и Джеймсом Бондом. Но при этом на картине все равно будешь ты.

Павел перевел взгляд на подпись к картине и прочитал:

Автор: АНГЕЛИНА ВОЛКОВА. Название: ПАШКА, МОЯ ЛЮБОВЬ.

И на душе потеплело. Он все-таки заставил Ангелину себя полюбить. И неважно, какую он заплатил за это цену.

Авторы благодарят доктора медицинских наук, профессора Э.Н. Эскину за помощь в работе над рассказом.

Ремейк Нового года

Цены не было б этим газетам – если бы они правду писали.

Так думала старлей Варя Кононова, молодая сотрудница *комиссии* – самой, пожалуй, засекреченной спецслужбы страны, занимающейся всем необычным, выходящим за рамки обыденных представлений: от паранормальных явлений до возможных контактов с иными цивилизациями¹.

Еженедельный просмотр открытой печати был ее обязанностью – не слишком увлекательной и совершенно, по правде говоря, нерезультативной. На памяти Вари имелось всего несколько случаев, когда по сообщениям газет начинали *разработку*, – однако всякий раз выяснялось, что журналисты либо ввали все, от начала до конца, либо основывались на негодных источниках: черпали информацию от психически ненормальных или таких же патологических лгунов, как и сами. Но... Хочешь ты или не хочешь, полезным считаешь или вредным то, что тебе приходится делать, а в военизированных организациях, от пожарной охраны до разведки, поставлено так: раз имеется приказ – ты обязан его выполнить. Варя, воспитанная в университетской вольнице, не раз уже нарывалась, особенно попервоначально, на жесткие проработки и даже взыскания, когда пыталась начальственные команды не то чтобы не выполнять, а хотя бы даже обсуждать. Теперь – зареклась.

Но, несмотря на определенную твердолобость и косность, царящую в *комиссии*, Кононовой все равно, порой к собственному удивлению, нравилось служить в ней. И потому, что перед ней время от времени жизнь и начальство ставили труднейшие и необыкновенные задачи (и ей удавалось их выполнять). И оттого, что начальником ее был умнейший, образованнейший человек – полковник Петренко, с которым у Вари сложились почти (насколько позволяла субординация) дружеские отношения. А кроме того, в числе немногих избранных она оказалась допущена к главным государственным секретам и даже удостоилась (через три года беспорочной службы) осмотреть потрясающие *артефакты*, которые содержались в спецхране под зданием комиссии на глубине около двухсот метров. И то, что ей рассказали о Посещении, равно как о многих других поистине потрясающих событиях, произошедших в мировой истории, вдохновляло ее на дальнейшие поиски. Ведь если чудо произошло хотя бы единожды, значит, имеется определенная вероятность, что оно случится и во второй, и в третий раз.

Но... Но сколько же в Вариной службе было рутины! Сколько же ей приходилось перелопачивать, единого факта ради, тонн словесной и цифровой руды!

Вот и сейчас, в хмурый зимний денек 19 декабря, с трудом подавляя зевоту, старший лейтенант Кононова взялась за свой ежепятничный крест – начала просматривать сообщения открытой российской печати.

Она листала газеты, шерстила Сеть и не находила ровным счетом ничего интересного. Все, что на первый взгляд казалось сенсацией, Варя отметала почти мгновенно. Сплошная лажа, враки, параноидальный бред.

Однако... Когда девушка просматривала очередную общероссийскую бульварщину под названием «Икс-пресс», она взглянула на скромную заметку – и звякнул невидимый звоночек... Варвара отложила таблоид в сторону. А потом, через полчаса, пришлось поместить рядом другое издание – на сей раз Санкт-Петербургскую газетку «Канал неведомого». И, наконец, на глаза попался листок «Королевские вести» с очень похожим сообщением. В

¹ Подробнее и о судьбе Вари Кононовой, и о деятельности комиссии читайте в романах Анны и Сергея Литвиновых «Прогоулки по краю пропасти» и «Пока ангелы спят», издательство «Эксмо».

животе сладко заныло... Возникло предчувствие удачи, настоящего Дела, без которого Варя сидела уже много месяцев и по которому, честно сказать, весьма соскучилась.

Девушка осторожно разложила три таблоида рядом. Если только газеты не переписывают одна другую... Если только это не централизованная информация, поступившая по каналам какого-нибудь агентства «Чудо-пресс», поставляющего своим подписчикам вранья и выдумки... Варвара еще раз пробежала все три сообщения, одно за другим, и по отдельным, почти неуловимым признакам – разный стиль, подлинные (похоже) места действия и фамилии потерпевших – Кононова почувствовала: нет, заметки написаны не одной рукой, вряд ли организованы из единого центра, друг с другом не связаны – и в то же время ох как перекликаются между собой. До жути!

Варя подхватила газеты и помчалась к полковнику Петренко. Пусть лучше он костерит ее, что она сеет ненужную панику, чем они упустят время – возможно, в данной ситуации драгоценное.

* * *

Полковник Петренко пребывал в настроении благодушном. Возможно, сказывалось приближение Нового года; возможно, он предвкушал прием в Кремле по случаю профессионального праздника, на который он сегодня, впервые в жизни, был приглашен.

Однако, глянув на выросшую в дверях кабинета подчиненную, полковник понял: что-то случилось, Варя опять что-то нарыла. Он, не теряя времени, нацепил на нос очки для чтения, которыми с недавних пор начал пользоваться, и протянул руку к газетам:

– Давай!

Первой в стопке оказалась общероссийская «Икс-пресс», открытая на нужной странице. Искомую заметку девушка пометила маркером. Петренко взял листок и с чувством прочитал заголовок:

МУЖ ИЗВЕСТНОЙ ПРОДЮСЕРШИ ВЫПРЫГНУЛ С СЕДЬМОГО ЭТАЖА.

Саркастически хмыкнул и с выражением начал читать заметку:

– «Вчера ночью жители элитного дома, что на улице Плющиха в Москве, были разбужены шумом падающего тела...» – Оторвался, покачал головой: – Лихо закручено! – Затем начал искать в газете выходные данные.

– Газета вчерашняя, – подсказала Варя, научившаяся за годы службы понимать начальство не то что с полуслова, но и с полужеста.

– Значит, все произошло третьего дня? – глянул поверх очков полковник.

– Да, – пожала плечами Кононова, – если они, конечно, не врут...

Под «ними» она разумела журналистов. Петренко охотно подхватил:

– А «они», как известно, врут всегда или почти всегда.

– Ну, некоторые не врут, – без особой уверенности возразила Варя.

– Значит, брешут, – безапелляционно отозвался полковник и погрузился в чтение, проборматывая наиболее важные моменты статьи: – «Антон Рутков, муж известной музыкальной продюсерши Наины Рутковой, выпал из окна своей квартиры на улице Плющиха примерно в половине четвертого утра. Когда подоспели случайные прохожие, «Скорую» вызывать не пришлось: мужчина был уже мертв... Милиция сообщила о случившемся жене. Последние годы Рутковы жили отдельно, но не разводились формально. Госпожа Руткова не скрывала внебрачные связи, прославившись, в частности, романом со своим подопечным,

21-летним певцом Иоанном. Как рассказали нам жители дома, в котором в последнее время проживал ее супруг, господин Рутков существовал на средства жены, которая выделяла ему ежемесячное содержание, и вел паразитический образ жизни. 39-летний Антон Рутков нигде не работал. В последнее время он увлекся компьютером и сутками напролет либо играл в игры, либо торчал в Интернете...» Пассаж про компьютеры подчеркнула ты? – вдруг спросил Петренко у подчиненной.

– Я, кто ж еще, – отозвалась девушка.

Полковник кивнул и продолжил:

– «...Когда милиция вызвала госпожу Руткову, та срочно примчалась на место происшествия. С ее помощью правоохранители открыли стальную дверь и осмотрели квартиру господина Руткова. Ничего подозрительного найдено не было, если не считать включенного компьютера. Как об основной версии, милиция заявила о самоубийстве Руткова. Однако в квартире никакой записки или других улик, объясняющих, почему он вдруг решил свести счеты с жизнью, обнаружено не было...» И здесь про включенный компьютер снова подчеркнула ты? – обратился полковник к Варя.

– Я.

– А зачем?

– А вы прочитайте другой материал. – Кононова протянула Петренко вторую газету.

– «Королевские вести», – почтительно продекламировал название печатного органа полковник. – Это что, новости из Букингемского дворца?

– Не «королевские», – улыбнулась Варя, – а «королевские», по названию города в Подмоскowie. Там на третьей странице.

Вторую заметку полковник читал уже про себя, без шуточек: верный признак того, что информация, доставленная подчиненной, его заинтересовала. Впрочем, Кононова с ее феноменальной памятью, натренированной еще в физматшколе и потом на факультете ВМК в МГУ, помнила статью почти дословно:

«Страшную находку обнаружили недавно жители дома номер 2/22 по улице Циолковского. Некоторые из них, живущие на последних этажах, вдруг стали ощущать резкий, неприятный запах. Вскоре выяснилось, что миазмы исходят из-за двери квартиры, находящейся в пентхаусе. В этом великолепном шестикомнатном жилье, занимавшем весь этаж, последние два года в одиночестве жил 23-летний Александр Б. Родители Александра погибли в автокатастрофе, а так как оба они занимались бизнесом, то и наследство Александру досталось поистине роскошное, в виде многокомнатного пентхауса в нашем городе, дачи и трех автомобилей бизнес-класса. Однако богатство не пошло юноше впрок. Автомобили и дачу он продал, а на вырученные средства стал вести весьма разудалую жизнь. Обитатели дома не раз и не два жаловались на настоящие оргии, происходящие в пентхаусе, который занимал Александр. Потом, правда (возможно, помогли увещевания милиции), разгул прекратился. Поговаривали также, что «богатый наследник» женился. Во всяком случае, несколько раз его видели во дворе в компании весьма эффектной брюнетки. Однако в последние дни девушка в обителище молодого человека явно не появлялась. Когда милиция вскрыла роскошную квартиру, запах стал поистине нестерпимым, а в петле обнаружился труп молодого человека с явными признаками разложения. По предварительной оценке экспертов, тело провисело за закрытыми дверями не менее десяти дней. Тем не менее эксперты считают, что говорить о насильственной смерти оснований нет: произошло банальное самоубийство. Любопытно отметить, что все то время,

что труп разлагался в пустой квартире, там продолжали работать телевизор и компьютер».

– Ты обратила внимание, – оторвался от чтения полковник, – с каким вкусом наши газетенки повествуют о трагических событиях? Им прямо-таки доставляет удовольствие выписывать гадости! Некрофилы натуральные!

Петренко в сердцах отшвырнул «Королевско-королевский вестник».

– А вы обратили внимание, Сергей Иванович, – осторожно спросила Варя, – на *совпадающие детали*?

– Самоубийство и включенный компьютер? Естественно! Ну, и что из этого следует?

– А вы еще почитайте. Девушка подала начальнику третий листок, совсем уж непотребного вида – на первой его странице в аляповатом коллаже сплелись блондинка с ножом (с ножа и ее удлинненно-вампирских зубов капала кровь), зеленый инопланетянин и расхристаный труп.

Петренко брезгливо повертел газетенку в руках.

– Что, там опять суицид?

– Да.

– И снова при включенном компьютере?

– Именно.

– Когда дело происходило? – нахмурился полковник. – Где? Кто жертва?

– Когда – в нынешнем месяце, точнее не сообщают. Где – в вашем любимом городе Питере, на канале Грибоедова, прошу заметить. Квартира опять-таки, судя по адресу и описанию, роскошная. Жертва – снова молодой человек, точный возраст не указан, тоже проживал в одиночестве (родители – дипломаты, работают в Африке). И вновь, как вы верно предположили, включенный компьютер...

– Только не надо мне говорить о «вз-шестьсот шестьдесят шесть», – с нескрываемым сарказмом промолвил Петренко.

«Вирус V-666» был уткой, придуманной газетчиками еще в девяностые годы двадцатого века, и *комиссии* тогда пришлось потрудиться, чтобы выявить, кто первым запустил в обиход этот бред, а также дезавуировать негативное влияние слуха на массовое сознание. А страшилка, которая в то время охотно тиражировалась журналюгами, заключалась в следующем: появился, дескать, компьютерный вирус-убийца. В вирусе, мол, ровно 666 байт, и воздействует он непосредственно на психику того человека, в чей компьютер попадает. На просторах СНГ от V-666, – без зазрения совести ввали писакки, – уже умерло то ли сорок шесть, то ли шестьдесят шесть человек, подпавших под зловерное вирусное излучение через экран собственной ЭВМ...

– И про «двадцать пятый кадр» вам не рассказывать? – с усмешкой, в тон начальнику, поинтересовалась девушка.

– И слова такого не вздумай произносить!

На примере одной из самых удачных мистификаций двадцатого века теперь учили молодых сотрудников – а работа по проверке данного факта явилась одним из первых дел *комиссии*, созданной Хрущевым. Бред про «двадцать пятый кадр» опровергли и наши, и американцы, причем многократно: исследования показали, что он на деле никакого воздействия на людей не оказывал. Больше того: сам Джеймс Вайкери, «изобретатель» двадцать пятого кадра, через пять лет после своего «открытия» заявил, что результаты эксперимента он сфабриковал (это, однако, не помешало ему продать свою методику доверчивым рекламным агентствам и стать богаче на несколько миллионов долларов). И все же до сих пор предприимчивые молодчики впаривали негодную методологию «двадцать пятого кадра» доверчивым студентам, желающим враз выучить все науки, и не менее доверчивым политикам, пытающимся вмиг поправить свой пошатнувшийся рейтинг...

– В компьютерах вообще никакого «двадцать пятого кадра» нет, изображение строится на других принципах, – на всякий случай пояснила старший лейтенант Кононова, по образованию программист, по призванию хакер.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся полковник. – Что ж тогда ты этими писульками заинтересовалась?

– Совпадения странные, – пояснила Варя. – Не ровен час, кто-то из журналюг заметит, раздует вселенский шум – надо обеспечить легенду. И потом: а вдруг, товарищ полковник, появилось что-то? – с оттенком мечтательности проговорила Варя.

– Да, вот именно... а вдруг... – пробормотал полковник.

Он-то знал, что разработка способов дистанционного воздействия на психику и интеллект (в том числе и через компьютер, конечно) идет и в наших засекреченных лабораториях, и в научных центрах вероятного противника. Пока, если судить по тем сведениям, что до него доводились в ежемесячных совсекретных бюллетенях, никто: ни наши, ни американцы, ни китайцы, ни израильтяне – ощутимых результатов в данной области не достиг. Но действительно: а вдруг? Вдруг у кого-то получилось? Вдруг вирус, воздействующий через компьютер на оператора, наконец создан? И по неосторожности или злему умыслу вырвался из засекреченных лабораторий на свободу? Или его (что еще хуже) сотворил гений – маньяк-одиночка? И начал использовать в собственных корыстных целях?

Петренко откинулся на спинку кожаного начальственного кресла и смежил веки. А после минутного раздумья промолвил:

– Проверь, Варя.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– За тобой никаких «хвостов» не висит?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Тогда набросай план расследования и оформляй командировку в Питер. В Москве и Королеве поработаешь без командировочных. Хорошо бы к Новому году уложиться.

– Слушаюсь, товарищ полковник. Готова приступить хоть завтра.

– Завтра – суббота.

– Какая разница?

Петренко хотел было спросить, а когда Варя думает рождественские подарки покупать, да вовремя прикусил язычок.

В этом году один за другим умерли Варины родители: сперва отец, генерал в отставке, а вскоре, в одночасье, и мама. Девушка, единственная дочка в семье, нежно любила обоих и теперь очень тосковала. А парня у нее то ли не было, то ли она его не афишировала... И жила она, некстати вспомнил полковник, примерно в тех же условиях, что и трое погибших: в роскошной генеральской (пятикомнатной, кажется) квартире на Новослободской.

Совсем одна.

* * *

Была ли Варя влюблена в своего начальника?

Полковник Петренко, умный, немногословный, красивый, похожий на слегка постаревшего Андрея Болконского (каким она себе литературного героя представляла), конечно, занимал ее мысли. Он был прекрасным командиром и товарищем, но если она и была в него влюблена, то совсем чуть-чуть. Во-первых, Варя являлась правильной девушкой (и даже чересчур правильной, как она сама о себе начинала подумывать), чтобы заводить романы на службе. А во-вторых, полковник слишком уж трепетно относился к своим «девочкам», как он называл жену и дочку. Покушаться на их общее счастье было бы просто неприлично.

Беда заключалась в том, что у Вари сейчас вообще не было никого. Потенциальных поклонников отпугивали, как она сама анализировала, ее ум, прямота, да и почти кустодиевские красота и сила. Редко кто из мужчин с самого начала и добровольно согласится на заведомо подчиненную роль, поэтому слишком много у девушки было хороших друзей-партнеров – по совместным автопутешествиям, тренировкам, походам на байдарках – и слишком мало любовников, а еще меньше возлюбленных. И наступающий Новый год она опять собиралась встречать не в романтическом путешествии или хотя бы шампанским с кем-то тет-а-тет, а в старой, еще студенческой, компании на даче у приятеля. Подружки, конечно, обещали привести для нее нового ухажера, но девушка изначально не питала никаких надежд и заранее предчувствовала очередную пустышку.

Поэтому когда она увидела капитана Федосова... На следующий день, в субботу, двадцатого декабря, Варвара поехала на Плющиху поговорить с участковым того района, где жил (и скончался) муж своей знаменитой жены Антон Рутков. И когда она зашла в его кабинет, и капитан с улыбкой поднялся ей навстречу, в груди у Вари екнуло, сердце дало мгновенный сбой и сладко потеплело в низу живота. Капитан Борис Федосов был высоченным, широкоплечим – настоящая косая сажень! – а рукопожатие его мощной длани оказалось бережным – он словно погладил ее ладонь. И глаза его при виде девушки загорелись, уста залучились улыбкой...

Варя представилась, села в предложенное кресло и даже начала задавать вопросы о покойном Руткове, но мысли ее – в кои-то веки! – витали совсем не вокруг работы. Федосов ее поразил. Околдовал. Пленил. Убил. Не было больше бесстрастного компетентного специалиста Варвары Кононовой. Осталась одна лишь женщина. И как ни старалась Варя смотреть в сторону, взгляд ее то и дело спотыкался о роскошные, сочные губы капитана... о его небрежную челку... сильные плечи... И в голове билось: «Нравлюсь ли я ему? А если нравлюсь – не слабак ли он, не трус ли? Последует ли продолжение? Пригласит ли он меня куда-нибудь? И не потеряю ли я «очки», если приглашу его сама – куда-нибудь в совершенно невинное место, скажем, сыграть партию в теннис? Или можно наврать, что не хватает партнера для боулинга...»

Но капитан Федосов о Вариных терзаниях, кажется, и не подозревал.

– А что это *socedey* заинтересовало какое-то банальное самоубийство? Да еще в собственный праздник? – с улыбкой поинтересовался он. Место работы Вари, естественно, являлось легендированным: никто в целом свете, кроме узкого круга высшего руководства страны, не должен был знать даже о самом существовании *комиссии*, поэтому сейчас (как, впрочем, почти всегда) девушка выступала под прикрытием: согласно документам, ее звание – старший лейтенант ФСБ.

– А я водку не пью, вот и решила поработать, – бесхитростно улыбнулась в ответ Варвара. И чтобы пресечь дальнейшие расспросы о том, почему чекистов заинтересовала обычная бытовуха, переспросила: – А вы уверены, что Рутков покончил с собой?

– Патологоанатом – лучший диагност, – развел руками Федосов. – А судмедэксперты своего заключения еще не выдали, поэтому отказ о возбуждении дела за отсутствием состава преступления еще, насколько я знаю, не оформляли. Но, по-моему, никаких оснований возбуждать дело и нет. Судите сами, Варя: на трупе следов насилия, не связанных с падением с высоты, не обнаружено. Тело лежало на животе – характерная поза для самоубийц. Да и квартира закрыта, никаких следов пребывания посторонних в помещении не обнаружено. Нет здесь темы, чтоб дело возбуждать. А у вас что, имеются другие данные?

Варя, изо всех сил пытавшаяся обрести свойственное ей всегдашнее хладнокровие, сделала вывод о Федосове: «Умен. Хитер. Знает себе цену». Она отдала должное незаметным попыткам капитана все-таки выведать, с чего вдруг *смежники* заинтересовались гибелью

Руткова. Но пояснять ничего не стала (хотя наготове имелась, конечно, сочиненная легенда), ответила вопросом:

– В гибели Руткова есть у его супруги интерес?

– Разумеется. Но у нее стопроцентное алиби: весь вечер и ночь она провела на телевидении. Шел прямой эфир с участием ее подопечного... Этого, ну, сладкоголосого певца...

– Иоанна... – подсказала Варя. – Но, может, Руткова мужу своему угрожала, давила на него, издевалась? Не лично, а на расстоянии, например, звонила... Или письма электронные писала?

– Вы же знаете: доказать доведение до самоубийства очень сложно. А что, у *соседей* есть в этом интерес?

– Никакого интереса обвинить госпожу Руткову у нас нет, – жестко ответила Варя. – А вот, скажем, компьютер покойного вы изучали?

– Лично я – нет. Но опер из следственной бригады просмотрел, что там. Компьютер ведь был включен в момент происшествия.

– В электронный почтовый ящик покойного заглядывали?

– Насколько я знаю, нет. Из Сети покойный перед своим последним полетом вышел. Пароля у нас, естественно, не имеется.

«А мне пароль не нужен, – подумала Варя. – И еще чрезвычайно интересно, на какие сайты Рутков перед гибелью заходил. Мне бы только до его компа добраться...»

– Пойдемте, посмотрим квартиру Руткова, – без особой надежды на успех предложила девушка.

– Как? – усмехнулся коллега. – Жилье закрыто, дверь стальная, тем более ордера у вас, как я понимаю, нет.

– А телефон госпожи Рутковой у вас имеется?

– Конечно.

– Я запишу.

«По делу наш разговор с участковым подходит к концу, – мелькнуло у Вари. – А что насчет *не по делу*? Неужели он не понял, не допер, что нравится мне? Или понял – но не решается? Или, – больно кольнуло в грудь, – я его совсем не впечатлила? И он и не собирается никуда меня звать?»

Записав номер супруги погибшего, девушка проговорила:

– Что ж, тогда у меня к вам все. – Но помедлила, встать из кресла не спешила.

– Хорошо, – кивнул Федосов и поднялся – проводить ее.

«Вот ведь чурбан бесчувственный!» – вздохнула Варя про себя.

Придется ей тоже вставать.

Капитан обогнул стол и протянул девушке руку.

– Спасибо за помощь, – сухо проговорила она.

По логике, нужно было улыбнуться. Загадочно облизнуть губы. Вроде как случайно коснуться его плеча... Но Варя стояла недвижимо – а сердце ее разрывалось на части.

– Приятно было познакомиться, – молвил участковый, снова нежно обнимая ее кисть своей лапичей.

А потом случилось неожиданное: он за руку притянул Варю к себе. Другая рука вдруг легла ей на талию и притиснула. Его глаза оказались совсем рядом, чуть выше уровня ее глаз. Они смеялись.

– Что вы делаете? – ошеломленно пробормотала девушка.

– А я влюбился в тебя, – нагло прошептал Федосов и попытался поцеловать в губы.

Варя дернулась и вырвалась из его объятий.

Капитан не стал повторять приступ. Стоял на том же месте с безвольно опущенными руками.

– Я не могу так сразу! – то ли прошептала, то ли выкрикнула Варя. И залилась краской, поняв, что своей фразой с головой себя выдала.

– Ох, девчонки-девчонки... – вздохнул Федосов. – Зачем вам эта постепенность? Ну, хорошо: буду ждать тебя сегодня в девять вечера в боулинге «Шарики-ролики».

– Вы мне одолжение делаете? – прищурилась Варя.

– Свидание назначаю, – спокойно парировал капитан. – Я же говорю: влюбился в тебя.

– А если я сегодня вечером занята?

– Постарайся освободиться, – проговорил мужчина.

И было в его взгляде что-то такое... заставлявшее безоговорочно исполнить приказ...

– Ровно в девять, – повторил Федосов. – Дорожку я закажу.

– Я, конечно, постараюсь, – пробормотала Варя, – но ничего тебе не обещаю.

Двойной облом

Когда Варя вышла из кабинета участкового на свежий воздух, лицо ее горело. Печальные снежинки не спеша падали на серый асфальт. Их было мало, они были не уверены в своих силах. Земля стояла голой, настоящего снега не предвиделось. Варвара несколько раз, пытаясь успокоиться, глубоко вдохнула сырой, насыщенный углекислотой, столичный воздух. Через несколько минут ей наконец удалось привести чувства и нервы в порядок и переключиться на расследование.

Предстоял разговор с вдовой Руткова – разговор в любом случае непростой.

Дозвонившись продюсерше на мобильник, Варя представилась:

– Вас беспокоит дознаватель, капитан милиции Варвара Конева.

Милицейские «корочки» с оперативным псевдонимом «Конева» являлись еще одним прикрытием Варвары. Порой совершенно не нужно, чтобы подозреваемые знали, что ими интересуется ФСБ.

– Что вы хотели? – резко бросила вдова.

Варя решила играть в открытую.

– Мне нужно осмотреть квартиру вашего покойного мужа.

– Зачем?

– Мы должны решить, возбуждать ли уголовное дело по факту гибели гражданина Руткова. Чтобы написать отказ в возбуждении дела, я должна быть уверена, что ему никто... м-м... не помогал прыгнуть.

Варя загадала: если Руткова ни в чем не виновна, она должна пойти навстречу. Впрочем, какие уж тут особенные загадывания? Обычная психология. Никто не хочет, ни невиновный, ни, тем паче, тот, кто в смерти замешан, чтобы открыли уголовное дело по факту гибели близкого человека. А Варя натурально шантажировала вдову: покажешь квартиру – закроем дело, нет – пеняй на себя.

Однако та сухо ответствовала:

– А у вас есть ордер на обыск?

– Нет, – не стала лукавить Коконова. – Я надеюсь на ваше добровольное сотрудничество.

– Боюсь, что у меня нет для вас времени. И в ближайшие две недели не будет.

– В таком случае я возбуждаю по факту гибели вашего мужа уголовное дело, – еще раз надавила Варя.

– Ваше право.

Девушке показалось, что ледяной голос Рутковой все ж таки дрогнул. Значит, ей настолько не хочется пускать милицию в жилье супруга, что она готова даже на расследование согласиться, лишь бы избежать осмотра квартиры – или хотя бы отсрочить его.

– Раз мы откроем дело, – продолжила Варвара, – будет и ордер на обыск. И вам к тому же придется являться к нам на допросы.

Но и третья попытка убедить вдову показать квартиру по-хорошему успехом не увенчалась.

– Что ж, если будет повестка, тогда и поговорим, – до невозможности сухо откликнулась Руткова.

Положив трубку после разговора с продюсершей, Варя подумала: «Держу пари, она виновна. Но как она могла убить собственного мужа, если у нее самой был прямой эфир? И в квартире – никого посторонних не было?»

Впрочем, перед Кононовой, как сотрудницей *комиссии*, не стояла задача непременно изобличать Руткову. Пока ей требовалось просто покопаться в компьютере покойного. Ну и что делать?

За несанкционированный обыск по головке никого не гладят. Если, конечно, начальству вдруг становится известно, что сотрудник к подобному причастен. Но Варя надеялась, что, во-первых, сумеет проникнуть в квартиру Руткова незаметно, а во-вторых, Петренко, даже если до него дойдет информация, взыскание Варе точно объявлять не станет. Что не дозволено быку (милиционерам и даже фээсбэшникам), дозволено Юпитеру (то есть *комиссии*).

Пробраться в подъезд мимо консьержа для подготовленного человека (каковым, разумеется, была Варя) труда не составляет. Потом, конечно, пришлось повозиться со стальной дверью в квартиру Руткова, но специнструмент не подвел. Осадок на душе, правда, оставался – Варя не любила действовать незаконными методами. Но еще неприятнее стало после того, как она тщательно обследовала все три комнаты, где проживал убитый, и никакого компьютера там не обнаружила. Хотя незапыленный прямоугольник на полу, где раньше стоял системный блок, имелся и более светлый кусок обоев позади него – тоже.

Когда Варя выскользнула из квартиры Руткова, она уверилась в обоих своих интуитивных предположениях: во-первых, в преступлении замешана вдова; а во-вторых, компьютер сыграл в нем особую, если не ключевую, роль.

Планируя сегодняшний день, Варя думала, что, если у нее останется время после изучения обстоятельств самоубийства Руткова, она сразу рванет в Королев – осматриваться там, где погиб второй фигурант. Но, когда вышла из дома самоубийцы, подумала: «Какого черта? Я что, автомат? Боевая машина? У меня сегодня вечером, между прочим, свидание!»

При мысли о нежно-сильных руках Бориса Федосова сладко заняло сердце. И почему-то появилось предощущение если не счастья, то, по крайней мере, удачи.

На первых порах предчувствие ее не обмануло: несмотря на то, что Новый год на носу и все мастерицы красоты завалены работой, оказалось, что у Вариной маникюрши, пользовавшейся еще ее покойную маму, как раз сейчас случайно появилось «окошко». А в салоне к тому же выяснилось, что и косметологиня может ее принять. После процедур у Вари хватило времени заехать домой, чтобы переодеться.

Поэтому к боулингу «Шарики-ролики» Варя подходила во всеоружии, гордая и довольная собой.

Огромный и обаятельный участковый ждал Варю в баре.

Он заказал ей «Мохито» – «для разминки». Чувственно и нагло оглядел ее с головы до ног: блузка, какой бы просторной ни была, не скрывала ни большую грудь, ни мощные плечи, ни красивые руки, – и присвистнул:

– А ты хороша!

Варя оставила комплимент без ответа.

– Сейчас выпиваем по коктейльчику – и на дорожку, – распорядился капитан.

Девушка поняла: красавец-мент любит доминировать. Наверное, это характер, да и род занятий играет свою роль. Беда заключалась в том, что Варя не любила подчиняться.

– На вашем месте, – заметила девушка, отхлебнув «Мохито», – я не торопилась бы закрывать дело о самоубийстве Руткова.

– Как выпьем, говорим о работе, да? – нагло вато усмехнулся Федосов, но все-таки переспросил: – А почему все же такое внимание к бедному самоубийце?

Варя знала: милиционеры и прокурорские работники не могут оставить без внимания мнение «старших братьев» из ФСБ.

– Я разговаривала с вдовой, и она явно нервничает. А еще, по информации из наших специсточников, нам известно, – она, конечно, не стала признаваться в своем проникновении в жилище погибшего, – что из квартиры самоубийцы пропал компьютер. Скорее всего, его вывезла вдова. Спрашивается, зачем? И почему столь спешно?

– Улики косвенные, – возразил Федосов. – О-о-очень даже косвенные!

«Вот так у нас с ним всю дорогу и будет, – подумала Варя, – сколько бы она, эта дорога, ни заняла, пусть даже один сегодняшний вечер: постоянное соревнование, дуэль. Что ж, пока мне такое положение скорее нравится. Чуть не впервые – герой мне достался по силам».

– Но их нельзя не учитывать, правда? – надавила она. – И хотя бы допросить Руткову стоит, как ты думаешь?

Вопросы Варя специально поставила в такой форме, что на них мог быть один ответ: да. Однако капитан с ней, может, внутренне и согласился, но промолчал. И девушке пришлось добавить:

– А когда вдову станут допрашивать, пусть ей зададут, между делом, вопросы о компьютере покойного. Куда он делся? И какой, кстати, у Антона Руткова был электронный адрес?

– Ну, раз ты настаиваешь – поможем в твоём лице славным соседям, – кивнул капитан. – Тем более нынче ваш профессиональный праздник. Но ты на поддавки по такому случаю не надейся. Пошли, наша дорожка – пятая.

– Минутку... – Варя достала лейкопластырь и обернула три пальца на правой руке, спасая свежий маникюр.

– О, как у тебя все серьезно! – слегка насмешливо воскликнул мужчина. – Да ты, наверно, чемпион!

– Пока еще нет, – пробормотала Варя.

Первые же броски показали, что Федосов, впрочем, как и Варя, играет безыскусно. Не было в их арсенале крученых ударов, да и точность порой оставляла желать лучшего. Однако силушкой бог не обидел обоих, и когда самый тяжелый, «шестнадцатый», шар врезается на скорости тридцать километров в строй кеглей – те разлетаются, даже если попадаешь не совсем точно. И уже в первой, пристрелочной, партии оба сделали по куче «страйков», выбили каждый больше ста пятидесяти очков, и за их спинами стали собираться официанты, обслуга, да и игроки с других дорожек то и дело глядели на двух гигантов, раз за разом сметавших кегли с поля.

– Во дают! – слышала Варя уважительный голос хрупкого паренька, соседа по дорожке. – Прямо битва титаников!

А девушку захватил азарт борьбы. Она уже не думала – как частенько забывала думать и раньше при общении с молодыми людьми – о кокетстве, флирте, жеманности. Она стала сама собой: женщиной, нацеленной на выигрыш, на успех – любой ценой. Только один раз, когда Варя добила практически невозможный «спэар» и вырвала концовку партии, радостно вскинув затем вверх руки, Федосов вполне по-дружески обнял ее и поцеловал, от этого все тело девушки словно окутало наэлектризованное поле любви.

Оба уступать не хотели, и за три часа игры счет по партиям оказался равным: четыре – четыре. И Варя, в кураже, в азарте настаивала:

– Давай еще одну, на победителя!

– Лучше оставим до следующего раза, – рассудительно молвил Борис, – хотя бы для того, чтобы был повод встретиться.

Они оделись в гардеробе и сели в машину Федосова – «Форд», довольно не новый. Капитан завел мотор, включил печку и, словно об обыденном деле, спросил:

– Ну, к тебе или ко мне?

И Варю мгновенно обдало холодом. Вопрос был, конечно, вполне естественный и логичный. И любая другая, *обычная*, женщина ответила бы на него притворным гневом, кокетливым смехом, лукавым взглядом... Варвара же на полном серьезе отрезала:

– Ни к кому! Если подбросишь меня до дома – буду тебе признательна. Если нет – поймаю такси.

Не готова она была так быстро впустить его – в свое сердце, в свое тело, в свою душу!

Федосов, может, и обиделся, но виду не показал. Довез как миленький до дома, и они обменялись номерами мобильных. Капитан помог Варе выйти из машины и поцеловал ручку. И сказал, что позвонит.

* * *

Неизвестно, из каких соображений к названию платформы Подлипки Ярославской железной дороги добавили определение «Дачные». Сто лет здесь уже никаких дач не водилось. Может, подумала Варвара, наименование было одной из составных частей легенды прикрытия нашего космического проекта – который, как известно, творился именно здесь, в обстановке строжайшей секретности.

В утренней воскресной электричке было полно лыжников – несмотря на захудалую зиму, в лесах снег все ж таки напал. Однако ехали туристы дальше – в Монино или, на худой конец, в Валентиновку.

А Подлипки, хоть и Дачные, выглядели явным городом. По подземному переходу сновали люди. Старушка, очень древняя и морщинистая, разложила на асфальте на клееночке нехитрую галантерею: спички, туалетную бумагу, салфетки, мыло. Варя дала ей двадцать рублей – просто так, старушка просияла: «Спасибо, дочка!»

В серых пятиэтажках светились окна. Улица вывела Кононову (вчера она пробила адрес по «гугловской» карте) к новейшему, щегольскому, дому, снисходительно возвышающемуся над округой, словно юная девушка-модель, по недоразумению попавшая в толпу простых работниц.

Варя обошла дом по периметру. Пентхаусы под крышей казались нежилыми.

Здешнего участкового на месте не оказалось (еще бы, воскресенье!), к тому же и мобильник его молчал. В отделении милиции не нашлось оперов, выезжавших на недавнее происшествие, а уголовное дело по факту самоубийства здесь возбуждать не стали – слишком уж очевидным оказался суицид. Пришлось оставлять ментам свои визитки («ФСБ, старший оперуполномоченный Варвара Кононова» – значилось в них) и просить, чтобы участковый и опера ей по возможности срочно позвонили. Единственным, что ей толком удалось разузнать в милиции, были имя самоубийцы – Александр Барсуков – и его полный адрес.

Варя вернулась к дому на улице Циолковского. Ей очень хотелось как можно быстрее проверить свои подозрения. И – а что оставалось делать! – она второй раз за уикенд незаконно проникла в чужое жилище.

Квартира Александра Барсукова оказалась воистину роскошной, полной новомодной техники: здесь и домашний кинотеатр, и хай-энд-проигрыватель, и навороченная кофеварка, и даже измельчитель мусора и дистанционно управляемые жалюзи. Кроме того, юный хозяин явно страдал нарциссизмом: во всех шести комнатах имелись его фотографии, а в спальне так даже написанный маслом портрет: смазливый, явно себялюбивый, хитрый и капризный мальчик с длинными белокурыми волосами. Может, душа Вари очерствела, но ей отчего-то не было его жалко.

Девушка последовательно обошла все шесть комнат, коридор и кухню. И убедилась – хозяин явно фанател от бытовой техники. Однако нигде в квартире не обнаружилось компьютера. Ни стационарного, ни ноутбука – никакого. Впрочем, чего-то подобного Кононова как раз и ожидала.

Вопрос: кто похитил его из квартиры Барсукова? И кто унес комп из квартиры Руткова? Ясно одно: компьютеры не могли испариться по воле особенного виртуального вируса. Или в результате какого-то другого чуда. В их исчезновении явно замешаны вполне земные силы. А значит, получалось, что *комиссии*, по большому счету, расследовать здесь нечего.

Но загадка-то оставалась. И отсутствие обоих компов наводило на мысль о сокрытии улики преступления. Или даже, точнее, – на сокрытие *орудия преступления*. Но как с помощью компьютера можно принудить человека к суициду? Неужто действительно кто-то создал особую программу, запустил в ЭВМ несчастных убийственный вирус? Кто? Почему? И как он достиг успеха? Вот эти вопросы *комиссию* как раз интересовали.

Чтобы путешествие в подмосковный город Королев не оказалось совсем уж малорезультативным, Варя занялась нудной, достойной милицейского опера работой: отправилась в поквартирный обход, и тут снова ей пригодились милицейские «корочки». Однако соседи с нижних этажей, как один, рассказывали о пьянках-гулянках в квартире лоботряса Барсукова, об ужасном запахе, доносившемся с его этажа в течение нескольких дней (перед тем, как был найден труп). Но никто не мог указать, с кем конкретно дружил покойный и кто бывал в его квартире, а главное – с какой такой девушкой, вроде даже женой, его видели в последнее время. Никто из соседей не переписывался с покойным по Сети, никто не знал его имейла.

В поисках виртуальных следов Барсукова девушка зашла даже в местное интернет-кафе, но и там никто ничего не ведал о самоубийце.

Уже стемнело, когда Варя – практически несолоно хлебавши – отправилась на электричку. День прошел, можно сказать, впустую. «И правильно, – ехидненько прокомментировал ее внутренний голос, – по воскресеньям нужно не за виртуальными призраками гоняться, а отдыхать. Или в крайнем случае хлопотать по хозяйству».

Однако когда девушка вышла на Ярославском вокзале, она вместо того, чтобы последовать совету внутреннего голоса и заняться собой и (или) домашними хлопотами, перешла на Ленинградский вокзал и купила билет до Питера на сегодняшний ночной поезд.

«Хм, в последнее время я часто стала совершать импульсивные поступки, – с неудовольствием подумала она. – Что-то, вероятно, со мной не так... Может, оттого, что по родителям скучаю? И Борис, как назло, не звонит...»

* * *

В купе, предназначенное для женщин (на железной дороге появилось такое новшество), Варя пришла первой. Скинула дубленку, шапку, устроилась – и тут накатило... Вспомнились папа и мама, и как они впервые, все вместе, ездили в Питер. Ехали втроем в одном купе, и им никого не подселили, и папа был весел, много шутил и даже разрешил дочурке отхлебнуть пива, а потом они полночи с мамой вели шепотом душевные разговоры, и за окном, как и нынче, была зима, и летели мимо станционные огни... Варя даже показалось

– вдруг сейчас откроется дверь, и войдут мама с отцом, дышащие морозом, родные, веселые... Слезы навернулись Варе на глаза. Тут как раз первая попутчица явилась – холеная бизнес-леди с презрительно поджатыми губами, и девушка не выдержала, убежала в туалет. Ей не хотелось, чтобы кто-то увидел ее слезы, да еще бы и утешать начал...

Когда Кононова умылась и привела себя в порядок, Ленинградский вокзал уплыл в сторону, и застучали колеса. Слава богу, в туалет никто не ломился, все привыкли, что на стоянках пользоваться им нельзя.

Девушка вернулась в купе и, избегая дорожных знакомств и разговоров, забилась на верхнюю полку. Но все равно: было ужасно жалко себя и хотелось плакать. И от того, что мамы с папой больше нет с нею и никогда не будет... И потому, что дело «самоубийц с компьютером» никак не вытанцовывалось... И потому, что проклятый капитан Федосов ей так и не позвонил...

* * *

В Питере было теплее, чем в Белокаменной: на вокзальном термометре всего-то минус один. Но из-за ледяного ветра, что гулял по проспектам и дул практически отовсюду, казалось в десять раз холоднее. Поэтому Варя сочла за благо нырнуть в троллейбус «десятку»: она еще со времен той поездки с мамой-папой помнила, что этот маршрут проходит через весь Невский.

За нематыми и запотевшими окнами троллейбуса скорее угадывались, чем были видны, красоты Северной Пальмиры: Аничков мост с конями, дворец Белосельских, крутой и радостный изгиб так и не замерзшей, зябкой Фонтанки... В саду близ памятника Екатерине светилась елка. У Гостиного сновали люди.

Варя вышла из троллейбуса. Отворачивая нос от ветра, пересекла Невский, а потом – опять неожиданно для себя! – вдруг зашла в Казанский собор. Зашла – и помолилась Богородице: не о деле, не о службе, не о Борисе и даже не о покойных родителях, а просто о том, чтобы все было хорошо.

И непонятно, то ли помогла молитва, то ли светлая полоса сменила черную, но в Питере Варваре все стало удаваться как по маслу.

Для начала ее очень радушно встретили в местной милиции. Опера в кабинете, куда ее направил дежурный, не выказали никакой неприязни ни по поводу того, что она – чекистка, ни из-за того, что она – москвичка. Усадили пить чай, стали рассказывать о происшествии на канале Грибоедова. Оба тоже оказались старлеями, обоих звали Максимами (один – Шадрин, другой – Бароев), оба даже моложе Вари и – на полголовы ее ниже. Впрочем, мужское начало так и кипело в парнях, прорываясь в слегка неуклюжей галантности и рискованных шуточках. И Варя мимолетно подумала: не потому ли она пошла служить, что в среде силовиков еще остались чуть ли не последние в стране настоящие мужчины – на фоне прочих хлюпиков и нытиков?

Два Макса рассказали Варе, что уголовное дело по факту самоубийства двадцатилетнего Артема Веретенникова, студента университета, все-таки возбудили (первое из трех, подумала девушка). Однако дело открыли не потому, что сами обстоятельства его смерти вызывали вопросы. Нет, суицид казался, что называется, некриминальным: студент наглотался снотворного, улегся в ванну, а когда от таблеток потерял сознание, захлебнулся. Экспертиза не обнаружила на теле покойного никаких следов насилия или борьбы. К тому же он оставил собственноручную записку. Варе продемонстрировали ее фотокопию: «*Мама, папа, мои родные, простите меня и прощайте! В моей смерти можно винить только меня самого*». Расследование начали потому, что отец Веретенникова был дипломатом, недавно назначенным послом в одну из африканских стран, и имел выходы на Смольный и на Белый

дом. Но главной причиной была другая: как оказалось, в квартире, где жил студент, хранилась небольшая, но чрезвычайно ценная коллекция картин русского авангарда. Веретенников-дед, известный искусствовед, в свое время составил свое собрание буквально за гроши, теперь же оно стоило миллионы. Долларов, разумеется. Так вот коллекция – в нее входили и Кандинский, и Ларионов с Гончаровой, всего шесть полотен – исчезла.

Потрясенная Варя воскликнула:

– И родители оставили пацана-студента одного в квартире с дорожными картинами!

Э, не так все просто, объяснили оперативники. Самое ценное на время отсутствия родителей было на всякий случай уложено в домашний сейф. Правда, Артем знал его код, но, во-первых, неподалеку проживала бабушка парня, которая навещала его чуть ли не каждый день, а во-вторых, мальчик он был очень положительный: ни гулянок, ни подозрительных знакомств.

– Порой с тихими домашними мальчиками происходят самые большие неприятности, – заметила Варя. И ее новые знакомцы-опера поспешили с ней согласиться.

О том, что сам парень как-то замешан в краже, продолжали рассказ милиционеры, свидетельствует тот факт, что не тронуты ни замки в квартире, ни замок сейфа, где хранились полотна. Жилье было на милицейской охране – но сигнализация не срабатывала, и на окнах нет следов взлома. Словом, пацан, несчастный этот Артем, получается, сам впустил злоумышленника(ов) в квартиру и сам отдал ему (им) картины.

– Вы, конечно, обрабатываете связи убитого, – не вопросительно, а утвердительно заметила Варя. Никаких в том сомнений не могло и быть.

Естественно, оба Макса их обрабатывали. Но ровным счетом ничего пока, увы, не нарыли. Юноша был человеком замкнутым, «ботаником», почти отличником, и, казалось, ничто, кроме наук, Артема не интересовало. Единственный его друг, такой же, как он, студент-отличник, абсолютно вне подозрений. Самое ужасное преступление, на которое способен тот дружка, как ехидненько заметил один из оперов, это задолжать книги в университетскую библиотеку.

– А девушки? – заметила Кононова.

– Вот! – воскликнул второй опер. – Совершенно центрально замечено!

Да, подтвердил первый Макс, появилась в жизни Артема в последнее время женщина. И, возможно, бывала в его квартире, но... Такое впечатление, что он ее ото всех скрывал. Во всяком случае, ни бабушка, ни его ближайший друг девушку ни разу не видели, не разговаривали с ней. Даже не знали о ее существовании! Видели только соседи – невзначай, мельком, со спины. Помнят только, что высокая и, кажется, брюнетка. Субъективный портрет не составишь.

– А вы работали с компьютером погибшего? – задала Варя ключевой для себя вопрос.

Опера переглянулись.

– Просматривали файлы, – заметил один.

Кононова чуть не подпрыгнула на месте с радостным криком: «Так комп не пропал!» – но сдержалась и продолжила слушать милиционеров.

– Ничего криминального в компьютере Веретенникова не оказалось, – подтвердил второй. – Обычный набор: игрушки, рефераты, фотки, научные книги... Ну и порнушка. Так ведь какой подросток нынче без порнушки!

– А почтовый ящик вы смотрели?

Милиционеры переглянулись снова.

– Как бы мы его посмотрели? – вытаращился один. – Он же запаролен!

Варвара отставила чай и решительно встала.

– Пойдемте.

– Куда?

– Я должна поработать с компьютером парня. Прямо сейчас, пока не поздно.

Видимо, голос девушки прозвучал настолько решительно, что оба милиционера тоже немедленно поднялись.

Вход со взломом

В иных обстоятельствах Варя, и сама не обделенная жильем, все равно, наверное, позавидовала бы квартире Веретенниковых: тихое место с видом на канал Грибоедова, по-дореволюционному высоченные потолки, десятилетиями налаженный быт: напольные часы с боем, абажур с кистями, сервант красного дерева. Всюду картины в золоченых рамах – не такие, видимо, ценные, как похищенные, но вполне достойные... Только сейчас на серванте возвышался огромный фотопортрет с черным бантом на боку: застенчивый мальчик с милой улыбкой...

Их встретила мать: она выглядела, как сомнамбула, и почему-то все улыбалась тонкими губами.

– Я не могу уделить вам много времени, – светски предупредила она гостей, – папа слег, мне надо везти ему передачу.

– Нам бы только посмотреть компьютер Артема, – поспешил один из Максов.

– Пойдемте. Конечно, Тема был бы ужасно недоволен, если б узнал, что вы рылись в его файлах, но теперь... – Губы женщины задрожали. – Темы уже нет, – с трудом выговорила она, и по щекам заструились слезы, – поэтому он, наверное, не рассердится... Ах, извините! – Она прижала руку к глазам и выбежала из комнаты.

Горе матери пробрало даже обоих Максов. Варя, прикусив губу, чтобы самой не заплакаться, принялась осматривать комнату парня. Там снова был его портрет, и опять с крепом на углу, а кроме того, шарф и плакат «Зенита», плакаты Курта Кобейна, Джимми Хендрикса и группы «Рэд хот чили пепперз». На застланной кровати сидел истрепанный плюшевый мишка. У окна – компьютер с большим экраном.

Варя села к нему. Оба опера застыли за ее спиной. «Или здесь побывал *другой* преступник, – подумала она, – или он почему-то не смог унести с собой системный блок... Ну, да, у него же руки были заняты картинами... Впрочем, это только догадки...» Пока Варя размышляла, ее пальцы порхали по клавиатуре. Удивилась – похоже, все файлы хозяина сохранились в неприкосновенности. Впрочем, с ними она будет разбираться позже.

Девушка достала из дорожной сумки и подключила к компьютеру Артема внешний жесткий диск. Набрала команду «скопировать все». Информации оказалось не слишком много, не больше пятнадцати гигабайт. Пока она скачивалась, Варвара вышла в Сеть. Появилась приглашающая плашка хозяйского почтового ящика: никаких закидонов, простое `averetennikov@yandex.ru`. Программа предложила ввести пароль. И Варя, не столько ради дела – она могла бы заняться этим потом, в спокойной обстановке, сколько для того, чтобы произвести впечатление на питерских оперов, вытащила из сумки свой карманный комп, подсоединила его к хозяйскому и запустила программу-дешифратор. Впрочем, ей и самой не терпелось просмотреть содержимое почтового ящика Артема... Через три минуты все было кончено. Дешифратор подобрал пароль, и она вошла в ящик бедного самоубийцы. Девушка почувствовала, как за ее спиной два опера, два Макса, уважительно переглянулись.

Однако... Почтовый ящик юноши оказался пуст. Ни единого послания: ни во «входящих», ни в «отправленных», ни в «черновиках». Кто-то уничтожил всю переписку Артема.

– Это меняет только одно, – пробормотала Варя.

– Что именно? – спросил один из Максов.

– Удлиняет мой рабочий день, – лихо заметила девушка, и форсу в ее фразе было примерно пополам с правдой.

* * *

Варвара распрощалась с операми у подъезда.

Разумеется, она обещала, что все значимые данные, какие добудет, немедля переправит им. Естественно, и сама получила заверения, что Максы будут держать ее в курсе расследования и делиться результатами. А сейчас Кононова искала только тихое кафе – желательное с вай-фай-интернетом – чтобы предаться своему самому любимому (если говорить о службе) занятию: добывать информацию из чужих компьютеров и Сети.

В Северной столице разыгралась поземка: мелкая, резкая, злая. Порывистый ветер кусал за нос, подбородок и щеки. Ни единого человека не видно было на тротуарах вдоль канала, только изредка проскакивали машины мимо. Натянув шапку пониже, а шарф – повыше, Варя добрела до Гороховой. Здесь с общепитом стало веселее, однако наклеек на дверях с вождленным «вай-фаем» не наблюдалось. И вот наконец такое кафе – чистенькое, в модном экологическом стиле, видать, недавно открытое. И ни единого посетителя внутри.

Варвара немедленно заказала у стойки чайник чая, салат и карточку доступа в Сеть. Уселась на один из стерильно белых диванов. Здесь ей никто не помешает, если только не будут докучать явно не обремененные заботами официантки. Девушка разложила на столе свою аппаратуру: компьютер и внешний диск. Принесли чай и салат.

Крепкий, горячий, сладкий чай прогнал из тела холод, а из головы усталость после ночи в поезде. Варя вошла в Сеть.

После тщательного осмотра вычищенного почтового ящика Артема Веретенникова стало ясно, что уничтожали корреспонденцию *извне*. Явно какой-то умник-хакер, вломившийся в него так же, как и Кононова, без спроса.

– Ну-ка, посмотрим, кто ты таков... – пробормотала девушка, пытаясь вычислить место, откуда произошло вторжение.

Следы были запутаны. Они гнали ее от одного сервера к другому. Кононовой явно противостоял если не профессионал, то весьма искусный любитель.

И вот наконец виртуальный адрес мерзавца, опроставшего ящик бедного Артема, был найден. Варвара немедленно запустила программу, определяющую по сетевому адресу физическое местоположение человека.

– Что? – оторвалась она от компьютера и непонимающе уставилась на выросшую рядом официантку. Та во второй раз участливо переспросила:

– Вы совсем не покушали салат. Вам не понравилось?

– Все просто супер! – бросила девушка. – Только не надо больше меня отвлекать, ладно?

Официантка обиженно удалилась. Кононова почти не заметила ее, она предвкушала свою первую маленькую победу, но... Программа-определитель физического адреса высветила явно издевательское: *Каймановы острова, город Че-Гевара-град, проспект Ленина, дом 13, квартира 13.*

– Ах ты, маленький засранец! – выругалась девушка. Почему-то она не сомневалась – наверное, по низкой пробы шутке с адресом, – что ей противостоял засранец, и именно маленький. – Ну, что ж, – пробормотала она, – мы, как говаривал вышеупомянутый Ленин, пойдем другим путем...

Как известно, полностью уничтожить информацию в компьютере невозможно – если только ты разобьешь жесткий диск на мелкие кусочки или расплавишь его в раскаленном металле. «Но и то еще не факт!» – как восклицал в этом месте своей лекции читавший Варе курс информационной безопасности профессор Зимин. Впрочем, Зимин, конечно, шутил – даже подготовленному человеку восстановить затертые файлы не всегда удается. Но не Варе

Кононовой – с ее образованием, опытом и, что греха таить, благодаря почти неограниченным возможностям *комиссии*. Чего-чего, а новейшего программного обеспечения и кодов доступа к почтовым серверам у спецслужб хватает.

Поэтому через полчаса работы – чай остыл, салат так и остался нетронутым, официантки перестали обращать внимание на большую румяную деваху, неотрывно глядящую в комп, – Варвара восстановила для начала самое последнее электронное письмо, полученное несчастным Артемом. К нему прилагался видеофайл – небольшой, всего около шести мегабайт.

Письмо дошло до адресата в воскресенье, седьмого декабря, в двадцать один час сорок минут.

Тело мальчика нашли, рассказали оперативники, утром восьмого декабря. Жильцы снизу обнаружили протечку, стали звонить в дверь, никто не открывал, связались с бабушкой Артема, она пришла с ключами, и...

По заключению судмедэкспертов, смерть Веретенникова произошла около ноля часов в ночь с седьмого на восьмое. А до этого, как рассказали Варе питерские опера, он с десяти до одиннадцати вечера все пытался дозвониться – и с домашнего телефона, и с мобильного – до какого-то «левого» сотового номера, зарегистрированного на пенсионерку из Гатчины. Всего звонков насчитали шестнадцать. Парень явно был в отчаянии, но он не позвонил ни бабушке, ни родителям в их далекое посольство, ни своему близкому питерскому другу. Он упорно набирал и набирал один и тот же номер – который ему не отвечал.

Итак... Варя постаралась рассуждать хладнокровно. Значит, он получил письмо, прочел, посмотрел видео, потом начал названивать, не дозвонился и, отчаявшись, напился снотворного и лег в горячую ванну умирать.

* * *

С внутренней дрожью и неожиданной гадливостью Варя открыла последнее полученное Артемом письмо. И, несмотря на то, что она была подготовлена, примерно представляла, что ей предстоит прочесть, текст больно ударил ей по глазам – словно обжигающим кипятком плеснули. Девушка старалась не впускать в себя текст, читать по диагонали, но все равно ей становилось плохо. Ей, постороннему человеку! Что ж тогда говорить о том несмышленише, кому послание было адресовано.

«Дорогой Артем!

Пришла пора сказать тебе правду. Горькую, но, увы...

Я не люблю тебя. И никогда не любила.

Ты глупец, бедняк, варвар. И мне никогда не было с тобой хорошо.

Нигде: ни в жизни, ни в постели. Ты – ноль, деревяшка, полное ничтожество!

И не было у меня никакого мужа, от которого я, влюбившись в тебя, должна была скрываться. Только такой пень и осел, как ты, мог поверить в столь развесистую лажу. Я врала тебе, во всем врала – так было надо. Мне – надо.

Как ты понимаешь, картин своих ты больше никогда назад не получишь. И не увидишь.

Прощай навсегда!

Не любящая тебя и никогда не любившая

Н.

*А если ты совсем отупел и до тебя не доходят человеческие слова
– можешь посмотреть картинку. Ведь ты, мальчик, любишь забавные
картинки!»*

Ощущая боль и ужас, Варя бесчувственной рукой, чтобы только побыстрее покончить с этим, запустила приложенный к письму видеофайл.

Там, как она и догадывалась, была порнуха. Самого мерзкого толка, снятая любительской видеокамерой. На пленке были двое. Женщина, довольно молодая, но, на взгляд Вари, очень так себе – брюнетка с чувственными губами и длинноватым носом. Она, совершенно голая, оседлала обнаженного молодого человека – красавчика-блондина – и фальшивым голосом покряхтывала: «Да!.. Так!.. Еще!.. Хорошо!..» Грудь ее тряслись, а глаза были широко открыты и, словно издеваясь, бесстыже смотрели прямо в камеру.

Боковым зрением Варя заметила, что официантки, тосковавшие у стойки, переглянулись, и одна из них украдкой повертела пальцем у виска. Кононова вспыхнула и убрала звук. Она бы остановила пленку вообще, если бы не... Если бы не ощущение, что где-то она уже видела и второго участника порнофильма, и интерьер, в котором снималось действие. И тут до нее дошло: да ведь длинноволосый парень – не кто иной, как Александр Барсуков, самоубийца из подмосковного города Королева! И «кино» снималось, похоже, в его спальне в пентхаусе дома на улице Циолковского!

И тут, словно по заказу, грянул телефонный звонок.

* * *

Варвара остановила видео и взяла трубку.

– Это Аркадий Минаев звонит, – доложили ей.

– Кто? – не поняла девушка.

– Минаев я, лейтенант, участковый из Королева, – раздельно и снисходительно, словно Варя была тупоголовой блондинкой, пояснил голос. – Вы тут вчера нашим самоубийцем интересовались...

– Да-да, – отрывисто сказала девушка. – А у вас что, есть для меня какие-то сведения?

– Ну, например, – с чувством собственного превосходства молвил участковый, – известна ли вам информация, что гражданин Барсуков был женат?

– Что?! – вскричала Варя.

– Ну да, – степенно продолжил лейтенант, которому оказалась приятной столь непосредственная реакция «фээсбэшницы». – Он два месяца назад поженился с одной особой и прописал ее на собственной жилплощади. Других у гражданина Барсукова наследников, получается, нет, поэтому по всем законам через шесть месяцев квартира его достанется в полное и безоговорочное владение ей, жене. То есть теперь уже, извиняюсь, вдове. – Участковый хихикнул. – А у нас, конечно, не совсем Москва, но его апартаменты, я думаю, лимончика на три зеленых потянут...

– Имя! – вскричала девушка. – Как ее зовут?

– Записать есть чем?

– Есть, есть, говорите!

– Анастасия Ивановна Зараева, одна тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженка города Кургана. Успеваете?

Варя азартно вбивала данные в компьютер.

– Да, да, успеваю!

– Номер, серия паспорта требуются?

– Да, да!

А когда Кононова записала все установочные данные и устало откинулась на спинку диванчика белой кожи, к ней подскочила официантка. Хотя посетительницей Варя оказалась единственной, кажется, девочкам она надоела, и те не чаяли выпроводить ее на мороз.

– Желаете еще что-нибудь? – спросила девушка.

– Да, – выдохнула Варя. – Желаю. Принеси-ка мне водки, сразу сто граммов.

И почему-то вдруг вспомнила, как говаривал здесь, в Питере, ее отец: «Ленинград – коварный город (папа по привычке именовал Северную столицу ее старым именем), здесь сама природа подталкивает тебя выпить. Да и страсти тут вечно кипят нешуточные...»

«Да, папа, ты прав, – мысленно ответила ему дочка. – Ты прав, мой дорогой папочка, прав, как всегда...»

Но не успела Варя выпить заказанную водку, не успела даже официантка принести ей рюмку, раздался еще один звонок. Ровно в тот момент, когда она о нем совершенно забыла, ей позвонил участковый Борис Федосов.

– Варя? Куда ты пропала?

Сил не было с ним пикироваться, и девушка устало бросила:

– Я в командировке.

– Когда вернешься?

Делать в Питере ей, пожалуй, больше нечего, расследование пора переносить в Москву, и Кононова сказала:

– Возможно, сегодня вечером.

– Я тебя встречу.

– Не надо. Я сама еще не знаю, когда приеду.

– А наш дознаватель все-таки допросил вдову Руткову, – сообщил капитан Федосов.

– И что?

– Ты права: она очень дергается даже при упоминании слова «компьютер».

– Пусть в следующий раз при ней назовут фамилию: Зараева. Анастасия Зараева. Запомнил? И ее фотку предъявят – я ее тебе подброшу.

– Да, хорошо, я записал: Зараева... Я хочу видеть тебя.

– В ближайшее время вряд ли получится. Ужасно много дел.

– Жаль.

– Мне тоже.

Голос девушки звучал ровно. После чудовищного предательства, свидетелем которого Варя только что невольно стала, трудно было поверить в любовь и искренность.

– Ну, тогда звони, как освободишься, – заметил явно недовольным голосом Борис.

– Конечно.

После того как Варя положила трубку, она немедленно забронировала себе по Интернету билет на вечерний сидячий экспресс.

Ночью можно будет спокойно выспаться в своей постели, а завтра как можно раньше прийти на работу, чтобы плотно заняться гражданкой Зараевой.

* * *

Назавтра Варя приехала на службу рано даже для себя: без четверти семь. Постовой прапорщик на входе посмотрел на нее с удивлением – вся Москва готовится к Новому году, гуляет «корпоративки», а эта трудоголичка...

Весь день старший лейтенант Кононова посвятила тому, что в открытых, полуоткрытых и совершенно закрытых источниках черпала информацию об уроженке города Кургана Анастасии Зараевой и ее семье. А вечером, когда все ушли, а глаза резало от восемнадцатичасовой непрерывной работы за монитором, Варя пробила (ей показалось, что в тот момент

ее пальцы по клавиатуре летали как-то крадучись) по доступным ей базам данных капитана Бориса Федосова. Участковому оказалось тридцать два, три года как разведен, детей нет, проживает в одиночестве, квартира в районе Марьино. Его не разрабатывало ни УСБ, ни ФСБ, и он не числился в базах сотрудников, заподозренных в связях с оргпреступностью или в коррупции.

Не то чтобы Кононова в своем новом ухажере сомневалась, но все равно отлегло от сердца. «Наверное, у меня начинается профессиональная деформация личности», – усмехнулась Варя про себя. А уж что она злоупотребила служебным положением в собственных интересах – даже бритому ежику ясно. Но ей хотелось хоть какой-то компенсации за целый день, проведенный в виртуальном обществе Зараевой. То *общество* оказалось куда как неприятным...

А наутро следующего дня, двадцать четвертого декабря, Варя пришла к полковнику Петренко с докладом. Она старалась уложиться в пять минут – начальник не терпел долгих рассусоливаний. Но за каждой минутой доклада стояли, без преувеличения, мегабайты протудированной ею и тщательно перепроверенной информации.

– Анастасия Зараева, восьмидесятого года рождения, прибыла в Москву из города Кургана. Трижды пыталась поступать на психфак МГУ. Дважды проваливалась, в промежутках работала санитаркой в психиатрической клинике, в компании, распространяющей тайм-шеры, и секретаршей в агентстве по подбору персонала. На третий год поступила на платное отделение. В ходе учебы особо интересовалась гипнозом, нейролингвистическим программированием, другими методами внушения. После окончания вуза работала в частных клиниках. В прошлом году организовала собственное индивидуальное предприятие, получила лицензию на медицинскую деятельность. У Зараевой имеется брат Леонид, на четыре года ее младше, отчислен с четвертого курса Бауманского за неуспеваемость. Судя по всему, умелый хакер. В прошлом году разрабатывался отделом «К» ГУВД Москвы по делу о мошенничестве с кредитными картами. Доказательной базы тогда против него собрать не удалось.

Петренко слушал заинтересованно. Кононова разложила перед ним на столе фотографии Анастасии и Леонида Зараевых и продолжила:

– По моим предположениям, преступники действовали следующим образом. Зараева регулярно просматривала Интернет. Анализировала, базируясь на своем психологическом образовании и опыте работы, те тексты, что пишут посетители форумов и авторы блогов. Среди них она отбирала людей с шизоидной акцентуацией личности – а значит, в принципе склонных к суициду. Когда жертвы были намечены, в дело вступал братец. Он сканировал их компьютеры, взламывал пароли доступа к почтовым ящикам и читал всю переписку и, кроме того, определял их физические адреса. Благодаря изучению личной почты жертв и данных в «левых» персональных базах преступники из числа потенциальных самоубийц отбирали тех, на ком они могли пожить: богатых и одиноких. Такими оказались, в частности, Александр Барсуков с его шестикомнатной квартирой и Артем Веретенников с коллекцией картин. Информацию о будущих жертвах преступники изучали всю. Они знали их привычки, слабости – полный психологический портрет. Когда конкретные жертвы были намечены, кончалась виртуальная фаза, Леонид отступал на второй план, и на сцену, уже в реале, выходила его сестрица Анастасия. Она знакомилась с молодыми людьми, влюбляла их в себя, очаровывала, используя психотехники влияния, которыми, похоже, владеет в совершенстве. И в итоге очень быстро добивалась, чего хотела: Барсуков на ней женился и прописал в своей квартире, Веретенников своими руками отдал преступнице коллекцию дорогих картин... После этого поклонники становились не нужны, и, чтобы избавиться от них, Зараева меняла свое отношение к ним на сто восемьдесят градусов, с любви на ненависть и, опять-таки с помощью психотехник, доводила парней до самоубийства...

– А дело Руткова? – спросил полковник. Он всегда задавал вопросы не в бровь, а в глаз. – Оно к Зараевым каким боком?

Однако у Варвары был заготовлен ответ:

– Я проследила точки пересечения Зараевой и Рутковой. Они в одно и то же время посещали – более года! – один спортклуб. Там, вероятно, познакомились и подружились, а в итоге Зараева получила от продюсерши заказ на устранение ее мужа. Она, я полагаю, устроила *заказное самоубийство*. Подобного в уголовной практике, по-моему, еще не было!

– А куда исчезали компьютеры?

– Преступники заматали следы. Леонид ведь точно знал, что умелый белый хакер, вроде меня, сможет выйти на них. Поэтому из квартиры Барсукова комп унесла его свежее испеченная вдова Зараева. А из обиталища Руткова вытащила системный блок жена-продюсерша. И только к компьютеру Веретенникова они не подобрались, Леонид затирал информацию дистанционно, опять войдя в почтовый ящик Артема. Таким образом они в итоге и попались.

– Все равно доказательств у тебя мало. Или даже нет вовсе.

– Доказывать – не наше дело.

– Правильно мыслишь. Поэтому передавай материалы по принадлежности – в милицию, прокуратуру, следственный комитет – и переключайся на свои собственные дела. Ты хорошо поработала, Варя.

– Сомневаюсь, чтобы кто-то из смежников сумел собрать против Зараевых доказательную базу. Да и что инкриминировать братцу с сестрицей? Доведение до самоубийства? Это максимум – до пяти лет лишения свободы. Легко отделаются эти гады!

– А кража картин?

– Зараева будет упираться на то, что мальчик сам их ей подарил.

– Хорошо, Варя, куда ты клонишь? – устало спросил Петренко.

– У меня вот какие соображения...

Когда девушка закончила свой рассказ, полковник решительно заявил:

– Такие твои действия я санкционировать не могу.

– Тогда запретите. Приказом.

– Скажи: зачем тебе рисковать?

– Какой там риск! – с бравадой воскликнула Кононова. – Все будет предусмотрено!

– Зачем, Варя? – переспросил полковник, устало потирая лицо.

– Затем, Сергей Александрович, что я мерзавку Зараеву буквально ненавижу. И хочу отомстить за того несчастного мальчика из Петербурга и его семью.

– Только ли? – поднял бровь полковник.

А Варя тихо добавила:

– И за себя тоже. За то, что я теперь в людей не верю.

Петренко только махнул рукой:

– Ты этого не говорила, а я этого не слышал.

* * *

Ни в каких базах данных – ни полулегальных, продающихся на «Горбушке», ни даже в совершенно секретных МВД и ФСБ – Кононова не значилась как сотрудник органов. Просто работница ООО «Ритм-21», программист, волею судьбы оказавшаяся прописанной одна в пятикомнатной квартире на Новослободской. Так что с бытовой стороны к ее сути преступники не подберутся...

В тот же день, двадцать четвертого, она почистила – да так, чтобы даже следов от многих файлов и писем не осталось, свой домашний компьютер. Варя понимала: если

парочка злодеев клонет, они первым делом просканируют ее компьютер. Ничего, связанного со службой, в нем и без того не содержалось, однако пришлось выкинуть все оптимистическое, радостное, победное. А еще девушка сфабриковала пару писем от собственного имени, отправленных якобы пару месяцев назад нескольким известным антикварам. В первой депеше она интересовалась, за сколько можно продать награды отца-генерала, в том числе орден Ленина и боевого Красного Знамени. В другом – спрашивала о цене изумрудного ожерелья (фото драгоценности прилагалось). Ордена были настоящие, отцовские, а ожерельем ее снабдили друзья из столичного угро – украшение числилось в конфискации и стоило не меньше полумиллиона долларов.

Затем Варя разместила на сайте, который регулярно посещал при жизни Артем Веретенников, пять сообщений. Первое из них, путем нехитрой манипуляции, датировала концом ноября, последнее пометила сегодняшним числом. В своих постах она демонстрировала – причем по нарастающей – симптомы тяжелой депрессии. В последнем сообщении Варя писала:

«Скоро Новый год, все суетятся, радуются, а у меня наступающий праздник вызывает только страх и отвращение. Дата меняется, – а жизнь, увы, нет. Еще один одинокий праздник... Не случайно именно первое января – лидер по количеству самоубийств. Наверное, уйду из жизни и я. Мне больше нечего делать в нашем мире. Ни парня, ни любви, ни привязанности. И даже кошку завести неохота и лень. И вы, мои дорогие папочка и мамочка, так далеко от меня, уже ничем не сможете помочь... Ну, ничего, скоро я приду к вам... Скоро мы опять будем вместе...»

Теперь оставалось только ждать.

* * *

Той же ночью девушка получила отклик. Некто под ником «Белоснежка» писал:

«Такое бывает, поверь мне. Тоска приходит и уходит. Что-то подобное случилось и со мной. Но мне помогли выйти из этого состояния. И научили, как помогать другим. Все вернулось: счастье, радость, солнце, любовь. Поверь, вкус к жизни возвратится и к тебе. Я могла бы тебе помочь».

Варя, тщательно замечая собственный след, прошла по виртуальному пространству весь путь, по которому двигалось письмо «Белоснежки». Физический адрес отправителя оказался знакомым: «Каймановы острова, Че-Гевара-град...»

Преступники клюнули. Возможно, они спешили, чтобы жертва не ушла из жизни раньше, чем успеет принести им профит.

Варя откликнулась на послание «Белоснежки» сразу же – ничего удивительного, что одинокий, страдающий депрессией человек ночь напролет просиживает за компьютером. Она написала:

«Как ты можешь мне помочь?»

И опять реакция преступницы не заставила себя ждать:

«Ты живешь в Москве?»

«Да», – отстучала Кононова.

Теперь диалог происходил практически в режиме реального времени.

«Мы могли бы встретиться», – осторожненько, чтобы не спугнуть жертву, предложила «Белоснежка»-Зараева.

«А это удобно?» – засомневалась Варя.

«Вполне. Мне будет приятно помочь тебе».

«Беда в том, что у меня проблема с деньгами...»

Нельзя соглашаться сразу, понимала Варя. Для людей вообще характерна недоверчивость, а те, кто в депрессии, недоверчивы втройне. Интересный диалог происходит, с усмешкой подумала она, каждый боится спугнуть другого.

«Феи обычно помогают бесплатно», – ответила Зараева и поставила «смайлик».

«Ну, если я тебя не обременю...»

«Ты доставишь мне удовольствие тем, что позволишь себе помочь».

И они описали друг другу, как выглядят. «Точно, придет сама Зараева, никаких посредников, никакого его брата-хакера!» – обрадовалась Варя. Договорились встретиться завтра, в девять вечера, у метро «Новослободская». «Правильно, – отметила про себя Кононова, – никаких кафе, по легенде у меня проблемы с деньгами, так что сразу будет повод пригласить новую знакомую к себе домой. А она заглотнула наживку удивительно легко. То ли и вправду спешит, то ли убийство уже стало ее пристрастием – и ей требуются все новые и новые жертвы».

* * *

Всю дорогу на свидание Варя входила в образ: глаза потухшие, волосы встрепанные, голова опущена, взгляд в пол, на плечах – словно неподъемная тяжесть. И еще – ни грана косметики и сапоги нечищенные (для человека, находящегося в депрессии, характерно пренебрежение к своему внешнему виду). Она пришла первой и словно бы случайно заняла (как учили) место, с которого просматривались все подходы. Кононова волновалась, и то было не обычное предстартовое волнение спортсмена, а напряжение перед смертельной схваткой. Напряжение, перемешанное с ненавистью.

Зараеву она увидела издалека. Окликать и подходить не стала («Выбьюсь из образа!» – удержала Варя себя) – надо, чтобы та сама узнала и приблизилась. Преступница тоже тщательно поработала над своим имиджем: ничего кричащего или вызывающего, светло-серые тона, все тщательно отутюжено. Образцовый психотерапевт.

Вот она осмотрелась. Заметила Варю. Подошла.

Поздоровалась. Голос звучал бархатисто и участливо:

– Вы – Варя? А я Настя.

Протянула руку – ладонь оказалась теплой, мягкой, тоже какой-то *участливой*.

«Она очень талантливый человек, – вдруг оценила преступницу Кононова, – и могла бы лечить, консультировать, приносить людям пользу. И зарабатывать, между прочим, неплохо. Но она решила своим талантом – убивать. Почему, зачем?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.